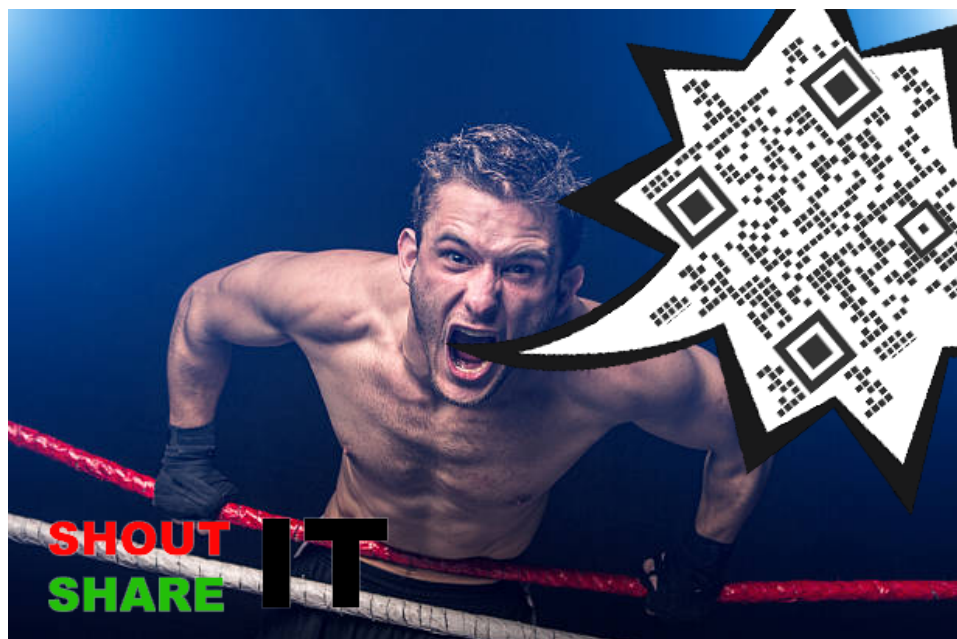

П. А. БОРИСОВ

ЧЕРНЫМ ЛЕТОМ

Annotation

Это случилось на исходе гражданской войны, летом 1921 года — «черным летом» страшной засухи, надвигающегося голода и белокулацких мятежей. Кавалерийская бригада, которой командовал прославленный герой гражданской войны Григорий Иванович Котовский, была переброшена в Тамбовскую губернию с задачей в короткий срок разгромить основные силы контрреволюционных антоновских банд, одной из которых командовал офицер царской армии Матюхин — правая рука Антонова. И вот у комбрига и комиссара родился фантастически смелый план — перерядить личный состав бригады в донских и кубанских казаков, которые якобы прорвались с юга на соединение с Антоновым, и, выбрав удобный момент, обезглавить мятежников... Об этом и рассказывается в книге П. А. Борисова — бывшего комиссара кавалерийской бригады Котовского.

Книга рассчитана на массового читателя.

- [Петр Александрович Борисов](#)
 - ☐
 - ☐ 1. Мы выступаем в поход
 - ☐ 2. Погоня
 - ☐ 3. Секретное поручение
 - ☐ 4. Подготовка к операции
 - ☐ 5. Отряд «атамана Фролова»
 - ☐ 6. «Союзники» выходят из леса
 - ☐ 7. «Совещание» о походе на Москву
 - ☐ 8. В зарослях Змеиного болота
 - ☐ Послесловие
 - ☐ Иллюстрации
- [notes](#)
 - ☐ 1
 - ☐ 2

Петр Александрович Борисов
Черным летом

Литературная запись Александра Шамаро

1. Мы выступаем в поход

Осенью 1922 года мне довелось выступать с воспоминаниями о гражданской войне на собрании партийного актива города Киева. Когда я кончил свой рассказ, в переполненном зале послышались восклицания:

— Невероятно!..

— А было ли это?..

И тогда Григорий Иванович Котовский, который сидел в президиуме собрания, встал и, словно защищая меня, громко произнес:

— Это так и было, товарищи!..

То, что показалось невозможным, невероятным испытанным бойцам революции, прошедшим, как говорится, сквозь огни и воды, случилось на Тамбовщине летом 1921 года...

Рассказ этот надо начать, пожалуй, с 23 апреля 1921 года, когда наша бригада, входившая в 17-ю кавалерийскую дивизию под командованием Котовского, получила приказ немедленно двинуться в поход на новый фронт борьбы с контрреволюцией.

Бригада, в которой я служил военным комиссаром, стояла тогда на Киевщине — в селах Животовка и Оратово Липовецкого уезда. Хотя гражданская война в России (за исключением Дальнего Востока) уже закончилась победой, мы еще и не помышляли о мирном отдыхе. На Украине бригада охраняла пограничную линию, вела борьбу с кулацкими и петлюровскими бандами, защищала от налетов и ограблений сахарные заводы, помогала заготавливать топливо в лесах. Часть своих пайков наши кавалеристы отправляли голодающим крестьянам, присоединившись к всенародному почину: «десять — двадцать сытых кормят одного голодного». Красноармейцы, командиры и политработники разъясняли крестьянам постановления X съезда РКП(б) и Советского правительства о переходе от продразверстки к продналогу, призывали крестьян помочь своим братьям-хлеборобам в губерниях, пораженных засухой и неурожаем. А потом отвозили собранный хлеб к железнодорожным станциям. В эскадронах и командах полков шла усиленная боевая и политическая подготовка. В свободные часы — а их было немного — неграмотных бойцов учили читать и писать.

Хорошо помню тот день, когда Котовский приехал в бригаду, которую сформировал, водил в походы и которой до недавнего времени командовал, и сообщил нам, комбригу Николаю Криворучко и мне, о приказе командования. В этом приказе говорилось:

«Бывшая отдельная кавбригада т. Котовского, ныне 1-я бригада 17-й кавдивизии, на основании полученных директив из штаба Киевского военного округа, подлежит выделению из состава названной дивизии со всеми частями, учреждениями и сотрудниками, входящими в эту бригаду... и срочной переброске в район, указанный главкомом. Отправку первого эшелона приказано начать 24 апреля и закончить таковую в недельный срок».

— Подготовиться к погрузке на станции Оратово! — распорядился комдив.

В последних числах апреля бригада погрузилась в эшелоны. Нас направили к Моршанску — уездному городку Тамбовской губернии, на борьбу с антисоветским антоновским мятежом.

Труднейшее время переживала тогда молодая Советская республика... Хотя белогвардейцы и иностранные интервенты были изгнаны за пределы страны, борьба с контрреволюционными силами, по существу, была почти такой же тяжелой, как и в недавних сражениях с полчищами Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля. Контрреволюция сменила тактику, не складывая оружия.

В чем заключалась ее новая тактика?

Враги Советской власти сделали главную ставку на тяжелое внутреннее положение Советской России. Страна была разорена двумя войнами, народ обнищал, голодал, предельно устал. Почти совсем замолкли заводские и фабричные гудки, замерло движение поездов на железных дорогах, связывающих город и деревню.

Все это видели, обо всем этом знали главари контрреволюции. Этим питались их надежды на скорое падение Советской власти.

Но они видели также, что авторитет Советов в глазах народа велик, что рабочий и крестьянин за Советы, что открытая борьба против Советов обречена на новый провал. И контрреволюционеры решили бороться с Советской властью, выдавая себя за «защитников» и «приверженцев» этой власти, которую они-де хотят лишь «улучшить», очистив Советы от большевиков. Одним словом, «За Советы, но без коммунистов».

Под таким демагогическим лозунгом и начался кронштадтский мятеж в последний февральский день 1921 года, создавший непосредственную и серьезнейшую угрозу красному Питеру. В Кронштадтской крепости был создан «временный революционный комитет» во главе с бывшим левым эсером Петренченко. Но это была лишь «революционная» вывеска:

фактическая власть перешла в руки бывших царских офицеров — ярых приверженцев старого, капиталистического строя. Мятежникам начали протягивать руку помощи эсеры, окопавшиеся в Ревеле, Союз русских финансистов и промышленников из Берлина, всякого рода белоэмигрантские организации. Но враги просчитались. Менее чем через три недели кронштадтский мятеж был подавлен Красной Армией.

Я завел речь об этом мятеже потому, что в причинах его было много общего с причинами антоновщины. Недовольство крестьянства продовольственной разверсткой и суровыми законами военного коммунизма принесли с собой в Кронштадт мобилизованные во флот молодые крестьянские парни из многих губерний, в том числе и из Тамбовской; старые революционные матросы ушли на фронт. И вот этими-то настроениями и воспользовались прежде всего организаторы мятежа. Нечего и говорить о том, что в деревне эти настроения ощущались еще сильнее. И не случайно эсерово-кулацкие мятежи почти одновременно вспыхнули в Сибири, на Северном Кавказе, на Дону. Зарубежная белогвардейщина и ее хозяева — правители капиталистических государств стали всеми силами раздувать, провоцировать антисоветские мятежи, подбрасывать «верные силы». Так, например, весной 1921 года из боярской Румынии были переброшены через советскую границу остатки врангелевских войск. Из панской Польши проникли на территорию Белоруссии банды, сформированные Савинковым.

В этой сложнейшей обстановке собрался X съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Он начал свою работу тогда, когда флаг контрреволюции еще развевался над кронштадтской крепостью. Партийный съезд должен был выработать новую политическую линию, вывести страну из кризиса.

С отчетным докладом о политической деятельности ЦК выступил Владимир Ильич Ленин. Он говорил о том, что недовольство крестьянства пролетарской диктатурой растет, что кризис крестьянского хозяйства доходит до грани, что демобилизация крестьянской армии выкидывает сотни и тысячи, не находящих себе занятий людей, привыкших заниматься только войной как ремеслом и порождающих бандитизм. Владимир Ильич вскрыл один из главнейших источников кризиса, который в полной мере мог быть отнесен и к Тамбовской губернии.

«...В силу неурожая, повлекшего громадную бескормицу, падеж скота и разорение крестьянского хозяйства, — говорил он, — центр этих

продовольственных разверсток сосредоточен был в тех местностях, где излишки хлеба не были очень велики. Излишков гораздо больше на различных окраинах Республики — в Сибири, на Северном Кавказе, — но именно там всего меньше был налажен советский аппарат, именно там Советская власть была менее устойчива, и оттуда был очень затруднен транспорт. Поэтому получилось так, что увеличенные продовольственные ресурсы мы собрали из наименее урожайных губерний, и этим кризис крестьянского хозяйства чрезвычайно обострился» ¹¹.

По инициативе В. И. Ленина X съезд РКП(б) принял огромной важности решение — о замене разверстки натуральным налогом. Налог этот был значительно меньше разверстки и исчислен так, чтобы покрыть минимальные необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения. Крестьянин получал возможность свободно распоряжаться всем остающимся у него продуктом его труда. Для бедняцких хозяйств налог был снижен, а в отдельных случаях — совсем отменен.

Постановления X партийного съезда и разработанные на их основании декреты ВЦИК и Совнаркома РСФСР выбивали всякую почву из-под ног руководителей антисоветских мятежей. Они прекрасно понимали это и потому стремились обострить вооруженную борьбу до предела, не гнушались самым подлым, кровавым террором, стремились непроницаемой стеной оградить обманутых и запуганных ими крестьян от правды о советской политике в деревне. Так было и на многострадальной Тамбовщине, по которой рыскали антоновские «партизанские» полки.

Прибыли мы в Моршанск 1 мая... Теперь два первых майских дня мы и представить себе не можем без кумачового убранства, без оживленного многолюдья на улицах и площадях, без веселого гула голосов, без песен и музыки. Но в тот год... Пустынные улицы, ветер треплет обрывки старых плакатов на стенах, унылая тишина. В тот день была пасха, но даже православный «праздник праздников» не вывел на улицы богомольцев, а их ведь в таких городках тогда еще было немало.

С прибытием нашей бригады железнодорожная станция сразу преобразилась... С гулким стуком красноармейцы выкатывали из вагонов артиллерийские орудия и пулеметные тачанки, выводили своих коней и внимательно осматривали их: не подбились ли, не застоялись ли в долгой дороге? Мне хорошо была понятна такая заботливость: конь для кавалериста и друг, и нередко спаситель в

бою.

Возле штабного вагона собралась большая группа котовцев. Завязался разговор об антоновском мятеже, о тех бедах, которые он принес народу. Подходили новые бойцы, и вскоре наша беседа переросла в митинг.

— Вы знаете, какие причины вызвали и разруху и голод, — говорил я, стоя в дверях штабного вагона. — Сначала — германская война, потом — гражданская и, наконец, суховей, засуха в Поволжье и в других районах. Антоновцы хотят обмануть крестьян, клеветают на Советскую власть и партию большевиков, обвиняя их в разрухе и голоде. А то, что эсеровские «партизаны» усиливают и разруху и голод в губернии, — об этом эсеры, конечно, помалкивают. Если бандиты помешают тамбовским крестьянам посеять озимые (а сев яровых они уже сорвали), голод будет еще страшнее. Мы не можем терпеть дальше этой мятежной язвы на нашей земле!

Бойцы стали задавать вопросы: велики ли силы у Антонова, какими отрядами — крупными или мелкими — держатся мятежники и т. д.

Тут я увидел, как сквозь толпу протискивается один из красноармейцев.

— Товарищ комиссар! — издали кричал он мне. — Прошу трохи не распускать... У меня до вас слово есть... Разрешите?

— Говори, — сказал я.

— В нашем эскадроне, товарищ комиссар, есть несколько бойцов (и я с ними), которые по закону подлежат увольнению в бессрочный отпуск. Так все мы решили вам заявить, что желаем поскорее покончить с гидрой мятежников, и просим дать нам отсрочку с увольнением из Красной Армии. Примите нашу просьбу, товарищ комиссар.

И он протянул мне листок с коллективным заявлением.

Котовский, который стоял рядом и слышал этот разговор, крепко обнял бойца и принял его заявление.

— Доброе дело, братва! — проговорил он. — Мы посоветуемся с командованием и объявим вам.

Заявление это не было единственным. Вскоре командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский подписал специальный приказ:

«Весь личный состав кавбригады Котовского на общем собрании вынес постановление ходатайствовать о двухмесячной отсрочке увольнения в бессрочный отпуск красноармейцев определенной категории.

Ставлю в пример исполнение революционного долга

доблестными красными кавалеристами и от лица службы приношу им свою искреннюю благодарность».

Разгрузив эшелон, мы построились и двинулись к югу через ближайший лес в район села Большая Сосновка, который нам приказали очистить от бандитов.

Весна еще не кончилась, а уже стояла жара. Безжалостный суховей опалял эти горемычные места. Над дорогой сразу же повисла дымовой завесой пелена едкой пыли. Чтобы хоть немного избавиться от нее, кавалеристы старались идти вдоль дороги, по желтеющей траве.

Деревни тянулись по цепочке, одна за другой. Избы выстраивались по обе стороны дороги. Кое-где на грязно-сером фоне бревенчатых стен желтела без времени завядшая листва поникших берез. На самых удобных местах стояли добротные дома под железными крышами — красными и зелеными. Кулаки.

Каждая деревня встречала нас плотно закрытыми ставнями. И справа, и слева — слепые избы. Ни одного человека, словно вымерли все! Даже собак не слышно. Лишь однажды проскочил через дорогу перепуганный петух и скрылся в огородах.

В избах можно было найти одних только стариков и старух.

Когда наша бригада вошла в деревню Дегтянку, я заглянул в один из домов и разговорился с его престарелыми хозяевами:

— Ну, как живете? — спросил я деда.

— Плохо, сынок, плохо!.. Ничего-то у нас со старухой за душою нету... Коровенка была — и ту забрали.

— Кто же забрал-то?

— Свои, местные... Те, которые за Антонова. Партизаны, значит... Даже курицу забрали...

— Чем же вы живете?

— Да вот еще овощишки остались. Хлеб с лебедой...

После короткого привала мы двинулись дальше... И снова потянулись по обе стороны от пыльного проселка поля, опаленные немилосердным солнцем, вытопанные копытами коней, и безлюдные деревни.

Бригада вступила в край, пораженный страшным бедствием — антоновщиной.

2. Погоня

Мы преследовали антоновские банды, загоняя коней, выматывая самих себя до предела, но они уходили от нас, отрывались от преследования. На их стороне было несколько ощутимых преимуществ перед нами, регулярными частями Красной Армии.

Прежде всего, это были почти сплошь местные люди, которым хорошо знакомы все окрестные тропки — и протоптанные и непротоптанные, все заросли и овраги, где можно было надежно схорониться от преследователей, все болота и броды, где можно было организовать засаду и обороняться. Антоновские силы имели, так сказать, территориальное построение: мятежники одной или нескольких волостей или целого уезда составляли один «полк», и этот отряд старался не соваться далеко за волостные или уездные границы. Если красноармейские части настигали ту или иную банду, она нередко рассыпалась и пряталась. Надо заметить, что антоновцы не имели каких-либо знаков отличия, не говоря уже об особой воинской форме. Попадались «вояки» и с кокардами царской армии, и даже с красноармейскими звездочками, которые они нацепляли для маскировки. «Обмундирование» было самое пестрое и живописное — крестьянские черные картузы с лакированными козырьками и фуражки защитного цвета с высоким околышем и с выступающим матерчатым козырьком (эти фуражки были в моде у эсеров после Февральской революции), френчи цвета хаки, ватники и пиджаки, подпоясанные красными кушаками. Одежда, как правило, потрепанная, грязная. Только командиры выглядели немного опрятнее, щеголяя похрустывающими ремнями и начищенными бляхами.

Под напором красноармейских частей конница антоновских мятежников делала в сутки переходы верст по сто, по сто двадцать. Антоновцы врывались в деревни, нередко насильно, под дулом винтовок и наганов, меняли взмыленных, измученных лошадей на свежих и мчались дальше. Тем более что и переседлывать коней было им не очень-то трудно: многие ездили на подушках с веревочными стремянами; бывало, что они скакали в облаках пуха и перьев, неплохо помогая тем самым нашим разведчикам обнаруживать их.

Постоянная смена лошадей была одним из главных преимуществ антоновцев. Мы, разумеется, были лишены возможности брать лошадей у крестьян.

Антоновцы пользовались в те дни значительной поддержкой

местного населения. Разная это была поддержка. Кулаки, всякие «бывшие» из деревенских торгашей, поповичей, царских офицеров, волостных чинов и просто уголовники, ненавидевшие Советскую власть, поддерживали их сознательно, ибо они являлись для них последней надеждой на возврат «доброе старого времени». Многих крестьян, в основном из середняцкой прослойки, эсеровские демагоги сумели запутать, сбить с толку, запугать призраком «красных карателей», состоящих, по их словам, почти целиком из иностранных наемников. И наконец, бандиты добивались поддержки плетью и шомполами, пульей и петлей, перекинутой через первый попавшийся сук, они сжигали избы красноармейцев и бедняков, поддерживающих Советскую власть.

Так, например, банда численностью около пятисот человек скрывалась в лесу к северу от села Малая Талинка и почти каждую ночь делала на это село набеги. В течение всего лишь нескольких суток из села было угнано три четверти крестьянских лошадей. Бандиты пригрозили крестьянам: если не пойдете к Антонову — заберем весь скот, а село сожжем дотла.

Чем ближе подкатывалась антоновщина к пропасти полного разгрома, тем все более зверели эти «истинные выразители чаяний русского крестьянства».

В уездах, пораженных мятежом, деревни и села кишели антоновскими соглядатаями. Они были неплохо связаны между собой и с контрреволюционным подпольем в Тамбове, имели условные знаки (например, определенный разрез козырька, нашивки на одежде и т. п.), по которым узнавали друг друга, оказывали помощь в критические минуты. Сигнал тревоги передавался по своеобразной эстафете. При появлении красноармейских отрядов лопасти мельниц останавливались. И так с бугра на бугор, от мельницы к мельнице антоновские агенты передавали весть о приближении советских войск. На первых порах борьбы с мятежом, пока наши чекисты не ликвидировали антоновских шпионов в Тамбове (а они сумели пробраться на весьма высокие и ответственные посты), случалось так, что красноармейская часть, выступившая по приказу из губернского центра, находила на опустевшей стоянке бандитов копию того самого приказа, на основании которого она в данный момент действовала.

Перед нами вырисовывалась важная задача — лишить антоновцев всякой поддержки местного населения, переломить настроение его в нашу пользу, восстановить его против белокулацких мятежников, одним словом, как метко и верно выразился тогда на военном совещании М. Н. Тухачевский,

необходимо было «создать сопротивление среды».

Задачу эту ясно и четко обрисовал перед нами и председатель полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с эсеро-кулацким мятежом на Тамбовщине Владимир Александрович Антонов-Овсеенко.

Нас, нескольких военкомов, приехавших в Тамбов на совещание к М. Н. Тухачевскому, он пригласил на короткую беседу. Помню, с большим интересом ждал я встречи с этим выдающимся революционером. Я знал, что он стал на путь революционной борьбы семнадцатилетним юношей и уже через год вступил в ряды Российской социал-демократической рабочей партии. Я знал также, что за активное участие в организации вооруженного восстания против царизма в Севастополе в 1906 году Владимир Александрович был приговорен к смертной казни, замененной впоследствии двадцатилетней каторгой. С каторги ему удалось бежать за границу. Антонов-Овсеенко был одним из активнейших участников Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде, человеком, который под непосредственным руководством В. И. Ленина разработал план штурма Зимнего дворца, где окопалось Временное правительство, руководил штурмом и арестовал это правительство. И вот теперь Центральный Комитет партии и Советское правительство поручили Антонову-Овсеенко, бывшему командующему красными войсками юга России и — позднее — Украинским фронтом, ответственный пост председателя полномочной комиссии ВЦИК в Тамбовской губернии.

— Разрушить смычку между рабочими и крестьянами, оторвать деревню от советского города — вот чего хотят главари этого мятежа, — говорил нам Владимир Александрович. — Они воспользовались чрезвычайным обстоятельством — тяжелым экономическим положением на местах... Крестьянство сильно страдает, чувствуя близкий призрак голода, ощущая острый недостаток изделий рабочего производства. И надо раскрыть крестьянам глаза на правду, разъяснить им, что именно эсеры, организуя диверсии на железнодорожных путях, ведущих на юго-восток и в Сибирь, затрудняют подвоз хлеба к нашим фабрично-заводским центрам, чтобы остановить промышленные предприятия и тем самым не дать крестьянам товаров первой необходимости... Наш лозунг — неразрывный союз рабочих и крестьян. Призывайте крестьян как можно больше расширить посевные площади, как можно лучше засеять поля. В этом — выход. Помогите трудовому крестьянству в посевной и в уборке. Порой самая скромная практическая помощь в хозяйственных делах или в бытовом устройстве дает больше любого

красноречия. Поймите, что в теперешних условиях вооруженная борьба с врагом — это еще не все. Перед нами тамбовское крестьянство. Середняки. Бедняки. Их необходимо как можно скорее высвободить из хаоса обмана, лжи, эсеровского террора. Необходимо без промедлений наладить порядок в губернии, укрепив Советы на местах, помочь в уборке и в посеве озимых. Делом покажите крестьянам, что такое союз между рабочим классом и крестьянством.

Таковы были задачи, которые партия поставила перед нами, участниками борьбы с антоновщиной.

Мы понимали, что в решении этих задач огромную роль должно было сыграть безупречное поведение наших бойцов и командиров среди местных крестьян. Крестьяне должны были как можно скорее на собственном опыте, собственными глазами убедиться в том, что есть бандиты и есть революционные рабоче-крестьянские войска, подлинно народная армия.

Моя память сохранила несколько эпизодов, на первый взгляд, казалось бы, маловажных, но очень характерных, показательных...

Помню, пришла наша бригада в село Рождественское. На улице я встретил пожилую крестьянку, лет пятидесяти пяти. Мы разговорились с ней. Она была матерью красноармейца, который, по ее словам, служил где-то на Украине.

— Как живете? — спросил я ее. — Обижают вас бандиты?

— Да, голубчик мой, все взяли, все!.. И теленка, и поросенка, и кур... А ведь что с нас взять-то? Век мы безлошадными были...

— А как банда называлась, кто вожак, не помните?

— Не знаю, право, не знаю... Нам ведь об этом не говорят. Стали у меня выпытывать: где твой сын, мы, дескать, ему напишем, и он вернется к тебе. А не скажешь — угоним тебя с собой, а избу сожжем... А я и впрямь не знаю, где сейчас мой сыночек, в какой губернии, два года уже не единой весточки нет. Уж я и не знаю, жив ли он...

Крестьянка пригласила меня в свою избенку. Одна половина ворот во двор висела на нижней петле, Другая валялась на земле. Бедность глядела на меня изо всех углов. В соломенной крыше зияла большая дыра. На улицу уныло смотрели три подслеповатых оконца с разбитыми стеклами. Кровати не было. Рваное ватное одеяло и еще какие-то лохмотья валялись на широкой крышке старого сундука...

— Дайте топор, — попросил я, — наши бойцы навесят вам ворота.

Крестьянка сначала недоуменно посмотрела на меня, а затем пошла и принесла топор со старым, искрошенным топорищем. Работать им было нельзя. Два наших кавалериста быстро

насадили топор на новое топорщице и починили ворота.

Я заглянул в огород, обнесенный невысоким плетнем... Хилая ботва картошки прежде времени безжизненно поникла под палящими солнечными лучами. Из пересохшей земли едва выступали хвостики морковной ботвы.

— Как с хлебом-то у вас? — спросил я хозяйку.

— Вот отведайте, если хотите...

И она вынесла из избы ломоть «хлеба» — липкого, с зеленоватым оттенком. Его с трудом можно было разрезать ножом. Крестьяне просушивали лебеду и растирали ее в ступе, добавляя горсть муки. Так получалась зеленоватая «мука», которая и спасала их.

А из соседнего двора доносился частый стук сапожного молотка. Там котовцы тоже время даром не теряли. Пожилая крестьянка-беднячка достала из сундука несколько рваных опорок и попросила бойцов:

— Может, почините, родименькие, а то хоть босой в холодную пору ходи...

Наши шорники принесли обрезки кожи для седел и тут же стали чинить крестьянскую обувь.

В этом же селе антоновцы перед самым нашим приходом насильно забрали всех лошадей, годных для кавалерийских рейдов. Но удрать далеко они не успели. Котовцы настигли их, дали бой и отобрали крестьянских коней. Этот табун мы пригнали в центр села и вернули лошадей их владельцам. Надо ли описывать, какой радостью и благодарностью светились лица мужиков, когда они повели лошадей к своим избам!

Такие сцены можно было наблюдать в каждой деревне, на каждом привале. Как писали в то время газеты, «правая рука красноармейцев стальным, карающим кулаком обрушивалась на голову врагов революции, левая помогала крестьянству восстанавливать хозяйство». Починка лопаты или топора, рубка дров, ремонт сарая или телеги, помощь в уборке урожая и в уходе за скотом — все это нередко действовало на крестьян сильнее любых речей. Молва о поведении красных кавалеристов опережала даже самых быстроногих коней. И настроение крестьянской массы стало заметно меняться. Обманутые стали отворачиваться от антоновцев, запуганные уже не боялись «большевистских извергов», о которых им на сходках все уши прокричали эсеровские болтуны.

Мы разъясняли крестьянам, что антоновцы разрушают железнодорожные пути и для того, чтобы сорвать подвоз хлеба к крупным городам и промышленным центрам и тем самым сорвать выпуск изделий, столь необходимых крестьянству, и для того,

чтобы отрезать деревню от города, лишить крестьянина пролетарской помощи, сельскохозяйственных орудий, ситца, спичек, керосина, соли. Антоновцы быстро теряли почву под ногами. Конным и пешим бандам приходилось все туже и туже.

Помню выступление одного крестьянина на деревенской сходке, созванной сразу после нашего прихода.

— Большевики землю нам дали, — говорил он. — А что дали антоновские «партизаны»? Смерть да разорение! Голоду они помогают! Сеять запрещают, грозят расстрелять... А большевики пекутся о нашем брате — мужике. Вот, говорят. Ленин продразверстку отменил, продналог ввел. А что такое продналог? Я так понимаю: что после уплаты налога — все наше, мужицкое. Распожрайся как хочешь. Верно?

— Эдак мы понимаем! — слышались голоса из толпы. — Пусть красноармейцы нам сами расскажут! Пусть говорят!..

Но в одной из деревень произошел случай, который мог серьезно испортить наши взаимоотношения с крестьянами.

Было это 2 июня 1921 года в небольшой деревне с красивым, каким-то песенным названием Сестренки, расположенной неподалеку от села Бакуры в пределах Саратовской губернии.

Встретили там нашу бригаду радушно, гостеприимно. И стар и млад — все вышли на улицу. Всюду светились приветливые улыбки. Женщины выносили молоко и простоквашу в крынках и кувшинах, угощали бойцов кусками хлеба, поили холодным квасом. Тащили ведра с водой, чтобы напоить коней.

Незаметно пролетели часы короткой дневки. Когда время перевалило за полдень, прозвучала команда строиться. И снова вся деревня на улице. Кругом слышится голоса:

— Как бы поскорее укротить этих ворогов...

— Они и нас к себе зазывали, да мы не пошли...

— Не успели нас мобилизовать. А теперь-то мы никогда к ним, супостатам, не пойдем!..

И тут мой слух уловил женский голос, который звучал диссонансом в этом радостном говоре.

— Товарищи командиры!.. Товарищи командиры!.. У меня беда приключилась...

Я быстро обернулся: сквозь толпу крестьян пробиравась старая женщина.

— Что случилось, гражданка? — спросил я, подходя к этой женщине. — Какая беда?

Подожли командиры полков Н. Криворучко, И. Попов и комиссар полка И. Данилов.

— Да вот какое дело, родимые мои... — начала было крестьянка и замялась: чувствовалось, что тяжело, неловко как-то

заводить ей этот разговор. — Было у меня девичье серебришко да золотишко. Дочку надо замуж выдавать, так это ей в приданое... И штоф водки был... Я бы ему водку и сама отдала, зачем она мне... Да вот золотишко это... Кто без приданого-то возьмет?..

Оживленный гомон вокруг нас сразу стих. Воцарилась тягостная тишина.

— Кто же у вас был, хозяйшка? — спросил я, стараясь говорить как можно спокойнее.

— Да я и не помню толком-то. Фамилию-то я не спросила. Чернявый такой...

— Может быть, вы сами отдали, подарили? — спросил кто-то из-за моей спины.

— Нет, не отдавала я... Вышла это я из избы, а потом вернулась. Смотрю, шкатулка пустая... Я, дура, не сдержалась, прибежала сюда. Вы уж простите меня, мы люди бедные...

Я подошел к Котовскому и тихо предложил:

— Единственный выход — построить всех в один ряд...

— Правильно! — кивнул Котовский и отдал команду.

Через несколько минут бригада спешила и выстроилась на деревенской улице.

Котовский громовым голосом приказал: кто повинен в мародерстве — пусть выйдет из строя.

Шеренга не шелохнулась, никто не вышел.

— Ну, ладно, — проговорил комбриг. — Сейчас проверим...

— Пойдемте, мамаша, — попросил я старушку. — Покажите, кто к вам заходил.

И мы, Котовский, командиры полков, я и эта крестьянка, медленно пошли вдоль строя. Старушка вглядывалась в лица бойцов и отрицательно покачивала головой: «Нет, не этот». Когда мы поравнялись с невысоким черноволосым бойцом с темными глубоко посаженными, бегающими глазами, старушка шепнула мне:

— Боюсь грех на душу брать... Но вот этот больше всех похож.

Так дошли мы до конца шеренги. Старушка убежденно сказала мне:

— Нет, только тот, чернявый.

Котовский подступил вплотную к бойцу, на которого указала нам старушка, и негромко сказал:

— Ну, говори...

Боец стал отнекиваться: ничего не знаю, ничего не брал. Мы обыскали его. Заглянули в сумки, пристегнутые к седлу. Там в белье лежал неполный штоф водки. Подозвали крестьянку:

— Этот?

— Да вроде такой, как у меня был. Они ведь все похожие. Вот также половина осталась...

Я взглянул на Котовского и почувствовал, как ярость перехватила у него дыхание. Он обнажил шашку.

— Признавайся!

Чернявый повалился на колени, расплакался.

— Не брал я ничего! Не я это!..

Мы обыскали его сумки вторично и нашли золотые и серебряные вещи, неприметно завязанные в рубахе. Вина стала бесспорной.

Отошли в сторону — Котовский, я, Криворучко и Данилов.

— Ну, какое ваше мнение, что будем делать? — спросил Котовский.

Решили: за мародерство в напряженнейший момент борьбы с белокулацким мятежем расстрелять на глазах крестьян в этой же деревне.

Приговор был приведен в исполнение.

Крестьяне в Сестренках говорили потом:

— Страх-то какой! За такую малость — и смерть! Жизнь отняли!.. «Партизаны» все забирали, что хотели, коней угоняли, и никто из их командиров и бровью не повел, никого пальцем не тронули. Одно слово — бандиты!.. А тут сразу видно: другой солдат, нашенский, из Красной Армии.

Жители Сестренки оказали нам немалую помощь. Они показали нам, где повстанцы зарыли при отходе артиллерийское орудие, сказали, куда ушел конный отряд мятежников. И предупредили нас:

— Захватите с собой бревна, а то сядете на первой же переправе...

Взяв с собой подводы с бревнами (пилы и топоры у нас были), котовцы двинулись в путь. Предупреждение крестьян оправдалось. Нам пришлось восстанавливать первый же мост, сожженный отступавшими антоновцами.

То и дело нам приходилось вступать в ожесточенные стычки с антоновскими бандами. Мне особенно запомнился бой с крупным конным отрядом повстанцев.

Было это так. Наши дозоры сообщили штабу бригады, что конная банда в пятьсот сабель, загнанная нами накануне в Подыскляевский лес, ночью вырвалась оттуда и устремилась в расположение красноармейских пехотных частей, расположенных между селами Рождественское и Нижне-Спасское.

Бригада была поднята по тревоге и пошла по следам антоновцев. Те, заметив преследование, дали тягу за реку Осиновку, на хутор Шкарино.

Наши кони были вымотаны до предела, люди не могли удержаться в седлах, не могли стоять на ногах. Но упускать банду было нельзя. И как только мы настигли ее, забыв об усталости, с криками «ура!» с ходу ринулись в атаку. Врезались в середину антоновского отряда и расчленили его. Два наших эскадрона устремились на фланги противника.

Бой принял жестокий характер. Рубились, стреляли. Кругом рвались «лимонки». Бойцы, под которыми падали лошади и у которых ломались клинки или отказывали револьверы, буквально с голыми руками бросались на конных антоновцев, стаскивали их с лошадей и приканчивали на земле... Красноармеец 1-го кавалерийского полка Константин Мартынов спас в бою помощника командира бригады командира полка Н. Криворучко. Группа бандитов окружила Криворучко и хотела захватить его живым. Он был ранен в руку. Здоровой рукой продолжал отстреливаться и ранил нескольких антоновцев. Но кольцо вокруг него сжималось все больше и больше. И вот в эту минуту Мартынов подскочил на коне, спешился и открыл меткий огонь по антоновцам. Двое были ранены, а остальные бежали в такой панике, что даже оставили поблизости своих коней.

Алексей Ткаченко, командир взвода 1-го кавалерийского полка, врезался в отряд антоновцев, огнем и клинком сразил восемь человек, а потом, захватив вражеского коня с седлом, невредимым ускакал к своим. Ткаченко был храбрым и стойким бойцом революции, участвовал во многих боях, которые выпали на долю бригады Котовского. Советское правительство наградило его орденом Красного Знамени. Спустя несколько лет после разгрома антоновщины Ткаченко погиб смертью героя в неравном бою с басмачами в Туркестане.

Бандитский конный отряд был опрокинут и полностью разгромлен. Опрос пленных и изучение захваченных документов показали, что это была группа Аверьянова, которая ранее нанесла значительные потери курсантскому кавалерийскому полку.

Вскоре мы соединились с другими частями Красной Армии под командованием Иеронима Уборевича, помощника командующего войсками Тамбовской губернии, и настигли антоновские банды. И этот бой, разыгравшийся неподалеку от села Бакуры, был роковым для антоновской «2-й армии».

...Левый берег Сердобы горист, правый — отлогий, он как бы напоминает о начале приволжского степного края. По левому берегу пошел первый полк и батарея во главе с Котовским, к правому берегу двинулся второй полк. Командир его Н. Криворучко подал команду:

— Повод влево через реку!

Спустя некоторое время авангард второго полка снял дозорных противника. Полк врзался в середину отряда, разделил его на две части. Один дивизион, прижимая врага к Сердобе, опрокинул в реку несколько сот повстанцев.

Первому и третьему эскадронам выпала тяжелая доля — атаковать большие силы врага. Антоновцы перешли в контратаку. Нашим эскадронам, которые насчитывали не более трехсот сабель, пришлось отойти. Путь красным конникам преградил большой крутой овраг, отступить было некуда. Но красноармейцы не растерялись, они бились с врагом насмерть и в самую трудную минуту спешили. Дружные залпы из винтовок и очереди развернутых веером нескольких пулеметов встретили бандитов, на время остановив их. Неся большие потери, антоновцы повели одну за другой упорные атаки.

Но вот над их головами раздался разрыв шрапнели. Это подошла наша батарея с первым полком во главе с Котовским. Артиллерийский огонь ошеломил противника. Антоновцы побежали врассыпную по степной равнине от реки Сердобы. Вместе с другими красноармейскими частями мы преследовали их, пока могли вынести наши кони.

В этих боях много мятежников было убито и ранено. Был ранен в голову и сам Антонов. Остатки его разгромленной «армии» по пятам продолжали преследовать наши части — автобронеполк под командованием Конопко, кавалерийская бригада под командованием Дмитриенко и другие.

После такого урока антоновцы потеряли всякую охоту ходить всем ядром, они рассыпались на мелкие отряды и попрятались по лесным углам и болотным зарослям, тянувшимся по берегам реки Вороны.

3. Секретное поручение

В селе Медном, как и в других тамбовских селах, избы вытянулись по обе стороны широкой дороги. Все вокруг заполнила гнетущая знойная тишина. На улице только кое-где сидят старики на завалинках, понуро опустив голову, и думают свою тяжелую крестьянскую думу: «Где правда, за кем идти?.. Сват Алексей ушел к Антонову, а кум Никанор — в Красную Армию... Большевики нам, мужикам, помещичью землю дали, это, конечно, так. А вот — недород, и своя земля от голода не спасает...»

Уже несколько дней стоит здесь, в Медном, наша бригада, сделав это село своей опорной базой. После конных бросков за десятки километров в день, после жарких схваток с антоновцами наступило затишье. И все мы, от комбрига до рядового кавалериста, понимали, чувствовали, что это — временное затишье. Последние, решительные схватки с уцелевшими бандами были еще впереди.

Настроение у здешних жителей — подавленное, настороженное, даже недружелюбное. Уж очень много лиха хлебнули они в последние дни! Перед самым нашим приходом в Медное нагрянули антоновцы вместе с «партийными деятелями» — эсерами. Проводя «мобилизацию», они приказали высечь публично, при всем народе, нескольких крестьян. Такая «агитация» возымела действие, и часть мужиков, среди которых были и бедняки, вынуждены были уйти в антоновские «полки».

Другие ушли добровольцами в красноармейские части, боровшиеся против бандитов в Тамбовской губернии. Остались старики да старухи с их невеселыми думами, да женщины с малыми детьми.

Как и всегда, время передышки котовцы даром не теряли. Полковой комиссар А. Муравьев и другие политработники и командиры беседовали с крестьянами, разъясняли им политику нашей власти в деревне, «расчищали» их сознание от антоновской лжи, клеветы и демагогии. Антоновцы, например, уверяли крестьян, что продналог, недавно введенный Советской властью, хуже всякой продрозверстки.

— Уж и не знаем теперь — кому верить? — разводили руками жители Медного, когда мы начинали с ними разговоры «о текущем моменте».

Мы читали вслух «Правду», «Известия» и доносили до крестьян высказывания В. И. Ленина, говорили о том, что по распоряжению Ильича продрозверстка в Тамбовской губернии

отменена досрочно, еще в феврале текущего года. Крестьяне благодарили котовцев за добрые вести и душевное слово, становились более откровенными с нами.

— А вот, батюшка, у меня сынок-то ушел. К этим самым... как их называют-то?.. К партизанам ушел... Так что же теперь с ним будет-то?..

— Что будет?.. Ничего не будет, если с повинной придет... Вот вы, как мать, и скажите ему, пусть добровольно сдается, и с оружием.

И сдавались, приходили с повинной. Но в селе оставаться боялись: бандитская месть страшила их. Просили зачислить их бойцами в нашу бригаду.

Так протекали дни передышки...

Но вот однажды около полудня на улице показался всадник. Он мчался во весь опор на сером, вспененном коне, поднимая за собой густые клубы пыли. Возле двухэтажного бревенчатого дома, где разместился штаб бригады, всадник круто осадил лошадь, спрыгнул на землю, привязал коня к перилам крыльца и протопал по ступенькам. Перед дверью он на секунду задержался, снял фуражку, заглянул в нее и, снова надев, вошел в штаб.

Котовский сидел за небольшим столом и сосредоточенно разглядывал карту, похожую на пятнистую зеленую скатерть. На карте лежали цветные карандаши, и Григорий Иванович чертил красные и синие кружки.

Вестовой вытянулся перед Котовским и подал ему пакет, спрятанный в фуражке. То ли от смущения, то ли от усталости он не мог вымолвить ни слова. Это был пакет из штаба 6-го боевого участка войск Тамбовской губернии. На пакете значилось — «Аллюр 3»... Вестовой добросовестно выполнил это распоряжение. Гимнастерка его промокла от пота. Григорий Иванович улыбкой подбодрил его, разрешил умыться, поесть и отдохнуть перед обратной дорогой.

Я принял от комбрига пакет, вскрыл его и прочел: «Командиру Отдельной кавалерийской бригады Котовскому. Сегодня к 16 часам вместе с комиссаром прибыть в мое распоряжение. Одновременно выслать один кавалерийский дивизион, которому прибыть к 20 часам того же числа».

Приказ был подписан начальником 6-го боевого участка Павловым.

Когда вестовой вышел, Григорий Иванович тоже пробежал глазами приказ и в раздумье сказал мне:

— Не иначе — дадут нам работу, комиссар!..

Не теряя времени, мы сели в открытую легковую машину и тронулись в путь верст за сорок от Медного, в село Инжавино, где

квартировал штаб боевого участка. На машине установили «максим» да еще прихватили с собой ручной пулемет «люис».

Неподалеку от села Серебряного нас обстреляли из придорожной канавы. Две пули ударили в кузов, а третья рикошетом скользнула по пулеметному щитку. Мы увидели только, как бандит, пригнувшись, побежал к стогу сена, торчащему в отдалении за дорогой. И оттуда в нас вновь полетели одиночные пули. Мы дали несколько коротких очередей по этому стогу, и обстрел сразу прекратился.

В пути мы почти не разговаривали. Мысли наши были целиком поглощены одним — зачем нас вызывают в Инжавино? Чувствовали, что нас ожидало важное задание. Мы терялись в догадках, но ничего определенного предположить не могли.

День клонился к концу, и солнце пекло уже слабее. Дышать стало легче. Проселочная дорога сменилась шоссейной, которая вела прямо в Инжавино. Вскоре вдаль показалось это большое село, расположенное в ложине.

У первой избы машину остановил дозор. Нас проводили в штаб, разместившийся в нескольких домиках. Мы вошли в просторную комнату, где нас уже ждал штабной работник.

— Присядьте, пожалуйста! — сказал он. — Я сейчас доложу.

Мы остались вдвоем. Я присел на стул, а Котовский, по своей привычке, зашагал из угла в угол... Походит, походит — и остановится в задумчивости, широко расставив ноги. Видно было, что он немного взволнован. Но ходил он спокойно, характерным медленным пружинистым шагом.

Боец, стоявший в дверях с винтовкой, поглядывал с интересом на прославленного комбрига. Вдруг он вытянулся в струнку: в дверях показался начальник боевого участка Павлов.

Павлов подошел к нам, пожал руки.

— Здравствуйте, товарищ Котовский!.. Здравствуйте, товарищ Борисов!.. Присядем...

У него было умное, спокойное лицо. Военная выправка выдавала старого кадрового офицера. Одет он был в простую гимнастерку.

— Мы получили из Москвы строжайшую директиву — покончить с антоновщиной в один-два ближайших месяца, — сказал он нам, когда мы разместились за столом. — Август — сентябрь — самое позднее. Необходимо немедленно приступить к укреплению Советской власти и в волостях, и в селах, чтобы наладить в губернии нормальную жизнь и обеспечить осенний сев. Если мы сорвемся, не посеем, будет третий голодный год. А вы понимаете, товарищи, что это такое! Не мне вам это объяснять...

На нашем участке, — продолжал Павлов, — мы должны провести операцию против крупной банды, возглавляемой одним из антоновских командиров. Бандиты засели в лесах, вырыли там окопы и блиндажи, обеспечили себя продовольствием, фуражом и боеприпасами и, по всей видимости, намереваются дожидаться лучших времен. Вокруг них снова концентрируется антисоветский элемент. Вы, наверное, догадываетесь, товарищи, о ком я говорю. Это Матюхин, один из ближайших приспешников Антонова, бывший вахмистр. В его сводный отряд входит три неполных полка. Он обосновался под самым Тамбовом, и терпеть этот нарыв в такой близости от губернского центра и железнодорожной артерии мы, разумеется, не можем... Командование решило поручить вашей бригаде очень ответственную, я бы сказал даже, секретную операцию...

Мы невольно переглянулись с Котовским — наши предположения начинали оправдываться.

— Вам надлежит установить связь с Матюхиным, который сидит теперь в лесу, как медведь в берлоге, и зализывает раны, выманить его оттуда и раздавить головку банды. Чтобы облегчить вам операцию, мы передадим вам одну личность...

По знаку командующего в комнату под конвоем ввели сухощавого человека лет сорока пяти; на длинном лице его выделялись черные усы и борода.

— Вот познакомьтесь, — сказал Павлов, поднимаясь из-за стола. — Эков Павел Тимофеевич. Был помощником начальника штаба у Антонова, в прошлом — штабс-капитан. Он обещал помочь нам в разгроме остатков антоновских частей. Если он сдержит свое слово, ему будет дарована жизнь, свобода и возможность жить там, где бы он был в полной безопасности...

Экова увели.

— Этого человека, — продолжал Павлов, кивнув в сторону закрывшейся двери, — ВЧК взяла в Москве на конспиративном антисоветском совещании. Мы передадим его вам, и вы будете полностью отвечать за него. С ним поедут трое чекистов. Руководит этой группой уполномоченный Михаил Васильевич Данилов. Это он доставил к нам Экова из Тамбова... Ну вот и все, товарищи!

Я взглянул на Котовского. Его волевое лицо словно было подсвечено изнутри энергией и решимостью. Он уловил мой взгляд, прищурил карие глаза и довольно улыбнулся.

— Ну, Петр Александрович, приказ есть приказ и должен быть принят к немедленному исполнению!..

Прощаясь с нами, Павлов еще раз предупредил:

— За Эковым зорче поглядывайте, он еще на перепутье

стоит... Да и антоновцы, возможно, слежку за вами установили. Очевидно, без строгой секретности вы ничего не добьетесь. Особенно в период подготовки. Все остальное — на ваше усмотрение. Полный простор для вашей инициативы. План операции вышлете в ближайшие два дня... Его ждет в Тамбове товарищ Тухачевский. До свидания, товарищи! Желаю удачи!.. Кстати, не забудьте зайти в клуб, вас там покормят.

Мы козырнули и вышли из домика.

— Петро, — с улыбкой сказал Котовский, взяв меня под руку, — нам пока везет! Будет работа!.. Но одной рубки тут мало, голова нужна.

На улице нас уже поджидал кавалерийский дивизион.

Эктова посадили в телегу. Рук ему не связывали. Рядом с ним сели двое чекистов. Третий сопровождал телегу в седле. По обе стороны от дороги были высланы дозоры.

— Помни, Чистяков, — сказал Котовский командиру дивизиона, — за жизнь этого человека ты головой отвечаешь!..

Дивизион тронулся в обратный путь, в Медное. Обогнав его, по дороге помчалась наша автомашина.

4. Подготовка к операции

Мы возвратились в Медное раньше, чем дивизион, который конвоировал Эктова, и до его подхода успели подыскать надежное место для нашего пленника. Выбор наш пал на небольшую избу, стоявшую на отшибе неподалеку от штаба бригады. Здесь Эктова можно было надежно укрыть от постороннего глаза.

Прежде чем повести свой рассказ дальше, мне хотелось бы сказать несколько слов об Эктове и о том, как он попал в руки сотрудникам ВЧК.

Он не был пришлым человеком в здешних местах: родился и вырос в селении Хитровщина, неподалеку от той деревни, в которой должна была через несколько дней разыгаться решающая схватка котовцев с Матюхиным и его бандой. Но не будем забегать вперед... Эктова хорошо знали местные эсеровские вожаки, и поэтому они без особого труда и без подозрений и колебаний втянули его, кадрового офицера, в свои мятежные части; опытные в военном деле люди им нужны были позарез. Летом 1921 года антоновский штаб послал Эктова в Москву, на тайную встречу руководителей антисоветских мятежей в других районах страны. Там его и арестовали чекисты вместе с другими контрреволюционерами.

Можно было предположить, что Эктов не сильно горевал из-за того, что арест лишил его возможности бороться на стороне антоновцев. Москва произвела на него огромное впечатление. Он собственными глазами увидел, что Советская власть крепка и делает все, что в ее силах, чтобы облегчить положение всего трудового народа, и крестьянства в первую очередь. С другой стороны, личное знакомство с главарями антисоветского подполья позволило ему увидеть, что эти люди в большинстве своем выходцы из буржуазно-помещичьих семей и им наплевать на крестьянские нужды и стремления, о которых они разглагольствовали только для маскировки.

На родной Тамбовщине, куда Эктов вернулся уже в сопровождении чекистов, ему предстояло еще хлебнуть отрезвляющей горечи разочарования. Он узнал, что Антонов после разгрома своей «армии» бросил ее остатки и стал спасать свою шкуру, прячась со «свитой» по разным дырам.

Вечером того же дня Котовский и я навестили Эктова в его домике. Бывший штабс-капитан успел поужинать, помыться и, видимо, чувствовал себя более уверенно и спокойно.

— Вы теперь у нас постоянный жилец, — пошутил Григорий

Иванович, входя в комнату, где сидел Эктон. — Вот зашли поговорить с вами... Если вы всерьез решили помочь нам — это хорошо. Этому мы будем рады. Подумайте обо всем еще раз. Даем вам для размышлений ночь. А утром скажете, что решили...

— Вы же знаете, я дал согласие, — тихо ответил Эктон. — Я переживаю сейчас тяжелое душевное состояние...

— Мы это чувствуем и понимаем, — заметил Котовский.

— Я хочу вам сказать, что меня затянули во все это дело с Антоновым насильно... Я попал к ним не так, как вы, наверное, представляете. Видите ли, я не приемлю их партийную программу...

— В таком случае, — заметил я, — вам должно быть легче перейти на сторону Советской власти...

— Да, но... — Эктон тяжело вздохнул и провел ладонью по лицу. — Их подполье отныне будет всегда преследовать меня. Ведь подполье-то останется...

— С этим подпольем тоже будет покончено. А вы будете жить там, где вам некого бояться... Но, повторяю, все зависит от вашего поведения, от вашей искренности...

Эктон понимающе закивал головой: «Да, да, конечно!..» Мы решили перейти к деловому разговору.

— Скажите, Павел Тимофеевич, — сказал Котовский, — вы могли бы нам помочь установить связь с Антоновым и руководителями «Союза трудового крестьянства»?

— Да, я постараюсь наладить эти связи. Здесь у меня немало знакомых людей... А вот где сейчас Антонов, я, честно говоря, не знаю. Поверьте мне!..

— Павел Тимофеевич, расскажите поподробнее о главарях мятежа, — попросил Котовский.

— Я порядком оторвался от их среды... сами понимаете... Но если это представляет интерес для вас, я расскажу все, что знаю, что помню... Многие командиры погибли, выбыли по ранению или попали в плен. Есть и такие, которые перешли на сторону Советской власти... Токмаков, командующий 1-й армией Антонова, убит в Озерках. Он был, кстати, на первых порах председателем губернского комитета «Союза трудового крестьянства». Его сменил Богуславский, из офицеров. Но и Богуславский недолго продержался. В половине июня ядро его частей, насколько мне известно, окружили в лесу, возле хутора Батраки, и разбили. Остатки бежали к Хопру и попытались переправиться, но попали под огонь. Там, полагаю, погиб и сам Богуславский. После него командующим партизанской армией стал Кузнецов — кадровый, опытный офицер; он у партизан в большом почете. Но... командовать-то, собственно говоря, было

уже нечем: армия была разгромлена наголову...

— А что известно вам об Ишине?..

— О, это весьма колоритная фигура!.. Кулак. В партии эсеров был казначеем и «задержал» у себя партийные деньги — несколько десятков тысяч рублей. После революции, в феврале семнадцатого года, купил около сорока десятин земли, выстроил добротный дом и открыл бакалейную лавку. Член губернского комитета партии эсеров и вообще правая рука Антонова, ведал у него секретными делами. Балагур, язык хорошо подвешен, за словом в карман не лезет, и мужики его слушают. Он у Антонова за главного агитатора и за главного «философа». Денно и ночью поклоняется Бахусу...

— Ну а что представляет собой Матюхин?

— Это вожак без идей, человек с уголовными наклонностями. До революции был конокрадом, угодил в Сибирь, бежал оттуда. После революции пробрался в ваши продотряды, бесчинствовал, обижал крестьян. Его арестовали, но Антонов, будучи начальником уездной милиции, освободил Матюхина... Тщеславен и властолюбив. На Антонова смотрит как на соперника. Однажды между ними была крупная ссора. Матюхин отказался поделить с другими полками захваченные им трофеи... Старается использовать все промахи Антонова, его кутежи, жестокость с народом. Мечтает сесть на его «трон»...

Наш разговор прервали близкие выстрелы. Кто-то под покровом ночи попытался подползти к домику, где сидели мы с Эктовым, и дозор открыл стрельбу по силуэтам лазутчиков. Антоновские соглядатаи — а разведка у мятежников, надо отдать должное, была организована хорошо — уже заинтересовались домиком на пустыре.

Мы решили усилить охрану. Чекисты находились в доме вместе с Эктовым. Трое бойцов притаились по углам, и специальный дозор всю ночь кружил по пустырю. Мы с Котовским первые ночи почти не сомкнули глаз: по очереди проверяли подступы к селу и караулы. Кони наши стояли под седлами.

Вскоре у нас созрел план действий. Григорий Иванович предложил пустить среди местного населения слухи о том, что на Тамбовщину прорвался с юга, с Дона и Кубани, белогвардейский конный отряд под командованием казачьего атамана Фролова. (Этого атамана мы не выдумали: был такой в действительности, и с ним в свое время пришлось драться котовцам.) Далее, с помощью Эктова мы решили установить связь с Матюхиным, вызвать его вместе с отрядом из леса на «совещание о дальнейшем характере борьбы против Советской власти и объединении партизанских сил России» и одним ударом

раздавить головку мятежников. Свой план мы переслали в Инжавино, а оттуда его срочно отправили в Тамбов, Тухачевскому. Спустя несколько дней мы с Котовским были вызваны к прямому проводу. Тухачевский, не упоминая, разумеется, фамилий и воинских званий, кратко и просто посоветовал:

— Ваше все понял. Трудновато, но выполнимо. Прежде всего, дисциплина. Меньше шума. Предусмотрите возможные помехи. Юго-восток обеспечен, внимание зеленому массиву... Все ли ясно? Вопросы будут?.. Ну, желаю удачи! Выполняйте! Все.

Дня через три мы отправились в поездку по окрестным деревням для установления связи с вражескими частями. Эктова, действительно, в здешних местах знали хорошо, и по его вызову вылезали из подполья крупные вожаки-связисты, которых мы бы без него не увидели. Присутствие Эктова отметало у них всякие подозрения, и они обещали обо всем известить Матюхина.

Встреча с Матюхиным становилась все более и более реальной, и нам пришлось уже вплотную заняться подготовкой к ней.

Мне нужно было срочно войти в роль тайного эсиссара эсеровского ЦК и подготовить «доклад», к которому, как говорится, ни один эсеровский комар носа не подточил бы. А ведь Матюхина окружали опытные эсеровские командиры и комиссары.

Я закрылся в одной из комнат и положил перед собой на столе походные тетрадки, в которые записывал все, что могло пригодиться в повседневной политической работе с бойцами и командирами бригады.

Что же мне было известно об этой партии — партии социалистов-революционеров?

Партией крестьянской мелкой буржуазии, мелкособственнической партией назвал Владимир Ильич эсеры, всегда отличавшихся половинчатой позицией. Главное их «преимущество» состояло в свободе от теории, а главное искусство — в умении говорить, чтобы ничего не сказать.

В дореволюционное время эсеры надеялись свергнуть самодержавие террором. Невежды в законах общественного развития и классовой борьбы, они не верили в революционные силы российского пролетариата и трудового народа, уповав только на револьверы и бомбы, на убийства высших сановников царской России и самого царя. Они, выходцы из промежуточных и неустойчивых слоев интеллигенции, всегда старались делать историю помимо масс и за массы.

В годы мировой войны эсеры быстро выродились в ярых

оборонцев и фактически превратились в союзников самодержавия. А на следующий же день после Октябрьской социалистической революции они начали войну против Советской власти. Видный эсеровский деятель Гоц рука об руку с генералом Красновым поднял в Петрограде восстание юнкеров. Это было первое контрреволюционное восстание против Советской власти. За ним последовали другие... И не было, наверное, ни одного антисоветского заговора или мятежа, в котором бы не принимали участия эсеры — политические банкроты и авантюристы, которые, не краснея, продолжали громогласно именовать себя социалистами и революционерами.

Это они, эсеры, летом 1918 года подняли антисоветские мятежи в Москве, Ярославле и других городах. Это они, эсеры, убили крупнейших деятелей большевистской партии — Володарского и Урицкого и направили отравленные пули во Владимира Ильича Ленина. Это они, эсеры, продолжали ожесточенную борьбу с Советской властью даже тогда, когда белогвардейцы и иностранные интервенты были наголову разгромлены и выметены с нашей земли Красной Армией.

В начале тяжелейшего 1921 года они подняли мятеж в Кронштадте. И вот наконец еще одно черное, предательское дело в длиннейшем «послужном списке» эсеров — мятеж Антонова на Тамбовщине, мятеж, который мы должны в ближайшее время разгромить полностью.

Что же представлял собой главарь антоновского мятежа, которому до самого последнего времени служил бывший штабс-капитан Эктов?

Весной 1917 года, сразу после Февральской революции, в Тамбов возвратился с каторги и поступил в городскую милицию эсер Александр Антонов. Это была известная фигура в партии социалистов-революционеров. Выходец из мещан уездного городка Кирсанова, он после нескольких лет пребывания в классах местного реального училища был исключен за хулиганские выходки. Недоучившийся реалист быстро обрел родную стихию в партии эсеров и проявил недюжинные способности в группе террористов-«экспроприаторов». Как вспоминали позднее его друзья, занимаясь «идейным» разбоем в Тамбове и Саратове, Антонов помнил не только о партийной кассе, но и о собственном кармане. Сами эсеры писали, что в 1905 году Антонов отличался «наклонностью» к грабежу и разбою. Вскоре он «засыпался» на одном из «эксов» в Саратове и попал в тюрьму. Февральская революция позволила ему снова вынырнуть на поверхность бурной жизни того времени. Родина Антонова — Тамбовщина — давала большой простор для

честолюбивых устремлений бывшего экспроприатора. Эсеры считали этот край — край сплошь земледельческий, с большой прослойкой кулаков и зажиточных крестьян — своей цитаделью, своей «вотчиной». Они уже давно свили здесь прочное гнездо. Даже деятельность известного сверхпровокаатора Азефа, руководившего до революции всем эсеровским террором в России, не могла развалить и разложить тамбовскую организацию, которая выдвинула таких «столпов» этой партии, как Чернов, Вольский, Спиридонова. Крепкие эсеровские ячейки сохранились и после Октябрьской революции, перекрашиваясь для политической маскировки кое-где в ячейки большевистские. Эсеры решили изнутри подорвать Тамбовскую губернскую организацию большевиков. Они пробирались на ответственные посты и умышленно позорили в глазах крестьянства Советскую власть, творя всяческие беззакония и nepотpeбствa. Они саботировали хозяйственные мероприятия Советской власти, тащили и прятали все, что, по их мнению, могло бы пригодиться им в открытой борьбе с Советами. Использовать государственные ресурсы в интересах партии социалистов-революционеров и подготавливаемого восстания — таков был тайный лозунг этих политических оборотней.

И Антонов принимал во всех этих делах самое деятельное участие. В Кирсанове, куда его назначили начальником уездной милиции, он разоружал эшелоны чехословаков и прятал оружие в «надежных» селах. Он постепенно оттачивал нож, намереваясь вонзить его в спину Советской республике, сражавшейся с интервенцией и белогвардейщиной. Он рвался в «великие народные вожди».

В 1918 году Антонов исчез с поста начальника Кирсановской уездной милиции. Он сколотил первый отряд мятежников — полтора десятка всадников.

Антоновская банда и сам атаман привлекли к себе пристальное внимание руководителей тамбовской эсеровской организации, которая уже в мае 1920 года по команде сверху ушла в подполье и стала создавать для борьбы с Советами беспартийный «Союз трудового крестьянства». О «беспартийности» этого союза можно было судить по некоторым пунктам из его программы: новую власть избирают партии, участвующие в борьбе с коммунистами, свобода всех классов, частичная денационализация (другими словами, возвращение капиталистам фабрик и заводов).

Эсеры выдвинули задачу вырвать власть из рук Коммунистической партии и передать ее в руки нового временного правительства. В специальном циркуляре «О работе

среди крестьянства», выпущенном в июне 1920 года от имени эсеровского ЦК, Чернов изложил подробный план борьбы с Советской властью. Используя недовольство крестьян продовольственной и иными повинностями, нужно, писал он, создать в деревне массовое движение и на его базе организовать беспартийный «Союз трудового крестьянства» и укрепить тайную эсеровскую партийную сеть.

Социалистам-революционерам нужна была яркая фигура и, главное, реальная сила, а Антонову — идейная платформа. И обе стороны быстро пришли к полному взаимопониманию: эсеры снабжали и вдохновляли антоновские банды антисоветскими воззваниями и листовками, посылали в них своих комиссаров, а Антонов переправлял через некоего Березникова, члена Тамбовского губкома эсеров, деньги для партийных нужд, добытые разбойничьими налетами, ограблениями, убийствами.

Огонь контрреволюционного мятежа, «антонов огонь», как его потом называли в народе, вспыхнул в 1918 году. Вспыхнул, но еще не разгорелся; он тлел до поры до времени, когда кто-то раздует его в пожар, способный угрожать безопасности Советской республики.

Этим «кто-то» стала белоэмигрантская контрреволюция и международная империалистическая реакция.

В январе 1921 года тридцать депутатов давным-давно не существующей «учредилки» выбрали сами себя в «исполнительный комитет Учредительного собрания». Керенский и Брешко-Брешковская сели за один стол с охранителями монархических устоев. Сели и стали разрабатывать планы для сил внутрироссийской контрреволюции. По их приказу и запылала антоновщина.

Весной 1921 года тамбовский мятеж достиг наивысшего уровня. Он охватил пять уездов — Тамбовский, Кирсановский, Борисоглебский, Моршанский и Козловский. Во главе мятежа стал главоперштаб. Антонов разделил мятежников на две армии, одной из которых командовал сам. Силы Антонова достигали пятидесяти тысяч вооруженных человек; ядром этих сил были восемнадцать конных полков.

Сколько жизней уничтожил проклятый эсеровский мятеж! Сколько страданий пришлось претерпеть тамбовским крестьянам! Сколько слез пролито на тамбовской земле!.. Около тысячи советских и партийных работников было убито белокулацкими террористами, и среди них — председатель Тамбовского губернского исполкома Михаил Дмитриевич Чичканов, коренной тамбовец, студент Петроградского политехнического института, активный распространитель предреволюционной «Правды» и

первый большевистский комиссар Тамбова. В октябре 1919 года Чичканов смело выехал в самое гнездо антоновщины, на озеро Ильмень Кирсановского уезда, и погиб там, сраженный бандитской пулей.

Бандиты действовали в полном соответствии с изуверским приказом самого Антонова: «Всем, кто словом или делом будет мешать нам, башку долой. Подозрительных без всяких рассуждений рубить. Если придет малый отряд красноты — обезоружить и зарубить. Если сильный отряд явится — попрятаться и донести мне. А в случае, кто будет выдавать красным наших, беспощадно рубить».

— Удалой гуляет! — говорили мужики, рассказывая о зверствах Антонова и его приспешников.

Антоновцы разграбили и сожгли около шестидесяти совхозов, три сахарных завода, текстильную фабрику и другие предприятия. Они забрали у тамбовского крестьянства тысячи лошадей, коров, овец. В некоторых уездах поголовье рабочих лошадей сократилось почти наполовину. В Кирсановском уезде, например, озимые были посеяны только на одной четвертой площади. Мятежники захватили главные хлеботорговые уезды Тамбовской губернии, и богатая в недавнем прошлом житница стала голодать.

Антоновские диверсанты несколько раз пытались перерезать важную железнодорожную линию Тамбов — Балашов. Они разбирали пути на участке в 10–15 верст и упряжкой лошадей сгибали рельсы в дугу, чтобы помешать восстановлению пути.

Своими силами тамбовским рабочим и крестьянам, тамбовским коммунистам справиться с антоновщиной было трудно. Это понимали в Москве. 14 февраля 1921 года В. И. Ленин принял секретаря Тамбовского губкома РКП(б) тов. Васильева, который приехал в столицу с докладом о положении дел в губернии. В тот же день Владимир Ильич беседовал с делегацией тамбовских крестьян. Партия и правительство приняли решительные меры для подавления эсеровского мятежа.

Две ночи просидел я в штабной комнате и при свете керосиновой лампы сочинял доклад — отчет об антисоветском «всероссийском съезде партизан в Москве». Потом я вызвал бойца, который кое-как умел печатать на машинке, и приказал ему переписать мое сочинение.

— Забудь до поры, что услышишь и перепечатаешь, — строго предупредил я его. — Это советская тайна. Понятно?

— Я понял, — глухо ответил боец.

Что творилось в его душе, когда он целую ночь без отдыха тыкал одним пальцем в клавиши пишущей машинки! Что ему

оставалось думать?.. Комиссар бригады, коммунист диктует ему контрреволюционную речь! Измена!?. Комиссар — предатель!?. Кому же тогда верить?! Смятение его облегчало разве только присутствие «бабки» — Котовского.

Постепенно круг людей, посвященных в наш план, расширялся, захватив сперва полковых командиров и комиссаров, потом эскадронных командиров и так далее. Котовский приказал без шума заготавливать новое «обмундирование» — бараньи шапки, картузы, папахи, пиджаки, френчи, крестьянские зипуны. Несколько старых лозунгов распорол на красные казачьи лампасы. Подготовка эта шла в строгом секрете от рядовых бойцов и тем более от местных жителей.

18 июля 1921 года мы отправились на тайное свидание «с правой рукой» Ивана Матюхина — братом его Михаилом.

Около полуночи эскадрон котовцев, переодетый по приказу Котовского в крестьянскую одежду, подошел к одному из сел к северу от Медного. Это зажиточное село было базой крупного отряда Ивана Матюхина, насчитывавшего около трехсот человек.

Остановившись на рассвете в лесу, вплотную подступавшему к этому селу, мы пустили уже испытанный нами слух о том, что прорвавшийся с юга донской повстанческий отряд хочет соединиться с матюхинскими «партизанами». И вот уже во второй половине дня нам передали, что Михаил Матюхин ждет нас у дома лесничего.

Михаил прибыл в условленное место с полусотней антоновских милиционеров. Эктов радушно поздоровался с ним и, дружески тряхнув его за плечи, сказал:

— Рад видеть моих партизан!..

— А ведь мы вас, господин Эктов, давным-давно из числа живых вычеркнули, — сдержанно проговорил в ответ Михаил Матюхин, кривой улыбкой пытаясь прикрыть чувства недоверия и опасения. — А оказалось, Павел Тимофеевич жив и здоров и даже вот в гости к нам пожаловал! Вот так чудо!

Эктов тут же отбросил панибратскую манеру и произнес тихо, властно и внушительно:

— Перестаньте болтать! Понятно?..

Михаил Матюхин сразу как-то сник, притих и, вытянувшись перед Эктовым, сказал:

— Прошу извинить меня, господин штабс-капитан.

Эктов помолчал немного и, как говорится, сменил гнев на милость:

— Ну, хорошо. Я не злопамятен... А теперь давайте о деле поговорим. Со мной атаман Фролов, командир кубанско-донского

повстанческого отряда. Знакомьтесь!

Михаил Матюхин подал Котовскому руку и с пристальным вниманием стал всматриваться в его лицо. Эктов, перехватив взгляд Матюхина, стал отвлекать его разговором. Но тот, отделавшись короткой репликой, снова оборачивался к Котовскому и изучал его лицо, его фигуру. Это не на шутку встревожило нас. Мы знали, что Михаил раньше командовал эскадроном в полку брата, который котовцы не раз трепали в боевых схватках. Кто знает? Уж не сталкивался ли он в бою лицом к лицу с нашим комбригом?

— Мы спешим, Михаил, — сказал Эктов. — Задерживаться дальше не можем. Примите пакет для Ивана Сергеевича, доставьте его немедленно... Могу сообщить вам, — продолжал он, понизив голос, — что в письме идет речь о встрече и соединении обоих отрядов в деревне Кобылинка и о совместных действиях против Советов.

— До скорой встречи! — дружески улыбнулся Григорий Иванович, пожимая на прощание руку Михаилу Матюхину.

Вечером того же дня подготовка к секретной операции была завершена. Котовский отдал приказ — выступать!

5. Отряд «атамана Фролова»

Выступили мы из Медного уже затемно. Для того чтобы сбить с толку, запутать антоновских лазутчиков, двинулись из села в сторону, прямо противоположную той, где была Кобылинка. Колонна поднялась на широкое поле, с которого село было видно как на ладони. В селе ни огонька. Тишина. Лишь одиноко прокричал петух... Ветер стих, и только иногда нас оведала струя горячего воздуха.

На поле бригада выстроилась четырехугольником. Во все стороны были высланы дозорные, которые должны были обезопасить нас от антоновских соглядатаев.

— Братва! — вполголоса обратился Котовский к бойцам.

Каре стихийно перестроилось в плотно сомкнутое кольцо.

— Получен приказ командования — разгромить последние силы бандитов. Мы их часто громили, победим и на этот раз...

Заикание мешало Котовскому, и поэтому он не любил произносить длинные речи.

— Говори, комиссар, — сказал он, обернувшись ко мне.

— Товарищи! — начал я, выехав на середину круга. — Перед нами ответственная, трудная, но выполнимая задача. Она требует от всех нас особой бдительности, выдержки, осторожности, безоговорочной дисциплины и готовности начать бой немедленно по сигналу. Командование приказало нам выманить из леса крупную банду Матюхина и уничтожить ее. Чтобы обмануть хитрого, опытного и осторожного врага, мы будем отныне называться не красноармейской кавалерийской бригадой, а белогвардейским казачьим отрядом донцов и кубанцев, который якобы прорвался с юга на соединение с антоновцами для совместных действий против Красной Армии, против Советов. Григорий Иванович будет именоваться теперь атаманом Фроловым, командиры полков — есаулами, а вы — станичниками...

Красноармейцы зашумели, раздались возгласы недоумения и даже негодования. Несколько кавалеристов, пришпорив коней, вырвались из рядов:

— Измена!

— Предательство!

Котовский громко рассмеялся, и его смех сразу охладил горячие головы. Бойцы спрятали шашки в ножны, смущенно поглядывали друг на друга и на командиров.

Я продолжал прерванную речь:

— Успех всей операции, быть может, жизнь всех нас зависит

от каждого красноармейца. Ни слова о том, что вы котовцы! Особенно в деревнях, в избах. Никаких разговоров, никаких вопросов, которые могли бы нас разоблачить. Строжайшая дисциплина во всем! Стрелять только по приказу!..

Командиры свернули и спрятали эскадронные флажки. Бойцы поносили все красноармейские знаки отличия, отцепили красные банты, напялили на себя зипуны и пиджаки. Командиры надели шапки-кубанки с красными и белыми верхами. Красноармейцам сообщили названия донских и кубанских станиц... Если бы в этот час нашу бригаду встретила какая-нибудь красноармейская часть, нас бы наверняка обстреляли.

И снова колонна вытянулась по полям и лугам... Ночь выдалась безлунной, глухой. Бойцы двигались молча. Лишь цокали копыта о сухую землю да брнчали изредка стремена.

Впереди ехал Эктов на породистом красивом дончаке; но это был самый плохой конь, который только был в бригаде. Если бы даже наш пленник и захотел удрать, то далеко от нас на такой лошади он бы не ускакал!.. На ремне у него болталась кобура с револьвером, из которого мы вынули не только патроны, но и барабан. Рядом с Эктовым ехал Котовский, чуть поодаль — я.

Вдруг откуда-то сбоку, из крошечной тьмы, выскочил конник и во весь опор помчался вдоль колонны.

— Красные слева!.. Красные слева!.. — кричал он на ходу.

Вдалеке замелькали светлячки выстрелов, затрещала ружейная стрельба. Потом застрочили пулеметы. Наше прикрытие ответило несколькими залпами.

Этот «бой» был инсценирован нами с ведома командования. Обе стороны стреляли в воздух. Надо же было показать, что, идя на соединение с антоновцами, казаки с боем прорывались через расположение красных частей!.. Мы наверняка знали, что об этой ночной перестрелке сразу же доложат Матюхину его разведчики или связисты.

Глубокой ночью мы подошли к деревне Кобылинка. Бригада остановилась, а головной отряд вместе с Эктовым приблизился к черным силуэтам изб у околицы.

Эктов свистнул тихо и как-то замысловато, и минуты через две перед нами словно из-под земли вырос молодой парень.

— Сейчас же скачи к Матюхину и вели ему со всеми силами явиться сюда! — приказал Эктов.

Я протянул связному письмо, заранее написанное нами. Парень молча кивнул головой и бесшумно исчез в темноте.

Мы стали ждать, выставив вокруг колонны посты и дозоры. Прошел час, другой... Но вот в ночной тишине зашуршали быстрые шаги, и связной снова подошел к нам. Он подал записку

от Матюхина, который сообщал: приказу он, конечно, подчиняется, но должен сначала убедиться в том, что приказ этот действительно исходит от Эктова, и с этой целью высылает своих делегатов.

Дело начинало осложняться с самого начала. Уж не догадался, не пронюхал ли Матюхин о том, какие «донцы и кубанцы» идут к нему на соединение?.. Котовский и я молча ждали, что скажет Эктов, какое решение он примет.

— Где делегаты? — спросил он у связного с нотками раздражения и недовольства в голосе.

— За деревней, в яру, — ответил тот.

Эктов обернулся к Котовскому:

— Атаман Фролов, прикажите построить часть!

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! — отчеканил Котовский и молодцевато козырнул.

Через несколько минут появились матюхинские делегаты, и Эктов представил нас нашим «союзникам по борьбе с большевиками». Делегатами были два пожилых мужика и молодой парень. Уклоняясь от лишних разговоров, мы повели их осматривать «донцов и кубанцев», построенных на поляне близ дороги. Нам пришлось пройти мимо окраинных изб. Вдруг в одной из них с шумом отворилось окно, и хриплый голос крикнул:

— Сашка, да ты никак к красным подался?

Я насторожился. Сашка, молодой парламентар от Матюхина, от обиды покрыл обладателя хриплого голоса «трехэтажным» матом.

— Какие тебе красные! Это наши... Ладно, потом расскажу! — отмахнулся он и снова примкнул к нам. Его невидимый собеседник, надо думать, был вполне удовлетворен таким красочным ответом и захлопнул окошко.

Этот короткий разговор заставил нас еще больше насторожиться. Почему Сашку спросили о красных? Уж не проводали ли антоновцы что-нибудь?.. Сашку я решил взять под свое наблюдение.

Деревня спала, но я чувствовал, что за нами следили из-за каждого угла, из-за каждого забора...

Котовцы выстроились. Они стояли у голов своих коней... Парламентары Матюхина медленно обходили фронт, пристально вглядываясь в лица, в оружие, в одежду... Один из них, хмурый кряжистый мужик с медвежьими глазками под нависшими бровями, недоверчиво хмыкнул и проговорил:

— Такой большой переход, а какие справные кони...

Сказал так, между прочим, а на его слова сразу же

откликнулся другой матюхинец:

— Да, после больших переходов худеют кони-то...

Мы почувствовали, что в сознание парламентаров закралось какое-то подозрение. При разработке операции мы, казалось бы, все мелочи предусмотрели, а тут... Минута была критической.

Я уже хотел было ответить на эти реплики, но меня опередил один из красноармейцев:

— Так мы же, братишка, две недели в лесах стояли, пока связь с вами искали! Вот кони-то и нагулялись...

Парламентеры повеселели. Они были очень довольны тем, что такая крепкая боевая часть пришла к ним на помощь, и похвастали:

— Мы тут Котовского и без вас лупили, а теперь мы ему пропишем горяченьких!..

— А ваши ребята молодцы! — признался один из парламентаров. — Экая выправка! Все одеты. И кони в седлах...

Двое матюхинцев, уезжая в лес, пригласили с собой двух «станичников». Мы послали комиссара полка Александра Захарова и командира взвода Дмитрия Симонова.

Когда я объяснил Захарову задание, в глазах его едва заметно промелькнула тревога и озабоченность.

— Как чувствуешь себя, Александр? Здоров ли?

— Все в порядке, товарищ комиссар!

— Ну, а все-таки?

— Чувствую себя хорошо... Правда, ночь не спал. А так — здоров, как всегда. В бою не болеют... Только вот... не приходилось раньше такого задания выполнять. Подскажите, что надо предусмотреть.

— Помни, к какому человеку «в гости» едешь. Матюхин — властолюбец, мечтает видеть себя на месте Антонова, мелкой лести не любит. Хитер, жесток и неглуп. Если назовешь его вождем тамбовских партизан, доволен будет... Слова «банда», «бандитизм» забудь на это время. Говори — «повстанцы», «партизаны». Если спросит, отвечай: программу «Союза трудового крестьянства» разделяем, тоже, дескать, за созыв Учредительного собрания... Встречать вас будут самогоном.

И пить нельзя, и не пригубить нельзя... Спросят о наших силах, говори: головной отряд подошел, а остальные части уже на подходе. В излишние детали не углубляйся. Пакет передай лично Ивану Матюхину и сделай все, чтобы он не уклонился от свидания с Эктовым и атаманом Фроловым. Ну, желаю удачи!.. В помощь тебе даем Симонова. Парень надежный!..

Наши «станичники» уехали, а Сашка остался в селе.

— Пойдем к батьке, — предложил он мне, по-приятельски

хлопая меня по плечу. — Самогон есть!..

Я кивнул головой: «донцы и кубанцы» пока еще должны были брататься с матюхинцами.

Сашка повел меня в ту самую избу, откуда его только что окликали. Осипший мужик, с которым Сашка обменялся столь «любезными» словами, оказался его отцом. Нас там уже ждали, стол был накрыт, и среди тарелок со всякой деревенской снедью возвышалась темная бутылка с самогоном.

Меня усадили за стол. Внимание мое сразу привлекла Сашкина мать — еще не очень старая женщина с увядшим, морщинистым лицом и печальными, потухшими глазами.

— Брось ты, сынок, всех этих партизан, — тихо уговаривала она своего непутевого сына, который, хватив залпом стакан самогону, принялся громким пьяным голосом разглагольствовать о будущих победах антоновцев в союзе с донцами и кубанцами. — Брось, пока головушка твоя на плечах. Дался тебе этот Антонов!

Но старик отец цыкнул на нее, и она замолкла, утирая слезы. Папаша повернулся к Сашке и прорычал:

— Уйдешь от Матюхина — прокляну! Понял?

Сашка налил и мне стакан самогону... Что мне было делать? Пить нельзя: через час, самое большее через два должна быть решающая схватка с бандитами. Но как отказаться, чтобы не возбудить подозрений у хозяев? Белый офицер — и не пьет самогон!? Для них — Сашки и его отца — это, конечно, могло показаться невероятным. Белогвардейцы и мятежники-бандиты пили много, до одури, заливая самогоном и водкой остаток совести и неудержимо разрастающийся страх перед возмездием за свои кровавые дела... Поблагодарив хлебосольных хозяев, я принял стакан из сашкиных рук, поставил его на краю стола, потянулся к закуске и «нечаянно» задел его локтем, опрокинул на пол. Охмелевшие хозяева не заметили этого.

Вдруг Сашка сорвался с места и выбежал из избы. Что бы это могло означать?.. Бежать за ним следом я, конечно, не мог: папаша сразу бы почувствовал что-то неладное, заподозрил слежку за сыном. Я поковырял вилкой в соленых грибах, еще раз похвалил самогон, поблагодарил за угощение и только после этого медленно, тяжело поднялся из-за стола и нетвердой походкой, покачиваясь, направился к дверям. Для большей маскировки я даже рукой за грудь схватился, словно меня замутило от крутого «первача». Едва только дверь со скрипом затворилась за мной, я опрометью бросился со двора, вскочил на лошадь одного из наших командиров (то был добрый конь, редкая лошадь уходила от него) и помчался галопом по деревне, пристально оглядываясь вокруг. Сашки нигде не было видно. Я

поскакал за околицу к нашим дозорным, но и они никого не видели. От сердца отлегло: значит, Сашка не выбрался из деревни.

Вскоре я нашел его. Сашку окружили несколько мужиков и парней, и он захлеб рассказывал им о том, что Матюхин соединяется с казачьим атаманом Фроловым и они вместе скоро «дадут жару» большевикам.

— Куда же ты делся? — с упреком спросил я его, подъезжая к этой группе. — Пригласил в гости — и смылся. У нас на Дону так гостей не принимают!.. Ну, нам пора, время не ждет, того и гляди из леса прискачут...

6. «Союзники» выходят из леса

Только в эту минуту, когда напряжение немного разрядилось, я заметил вдруг, какая тихая, теплая, добрая ночь стояла над деревней... Удивительная все-таки вещь — природа! На земле идет жестокая борьба с антоновскими мятежниками; здесь, в Кобылинке, мы готовим хитрую западню для бандитов, готовимся к схватке, в которой либо мы их, либо они нас; нервы напряжены так, что вот-вот лопнут с воющим звоном, как перетянутые струны, а ночь вокруг стоит такая, что, кажется, ни на что иное она не годна, как только окутывать своим теплым сумраком влюбленных где-нибудь за околицей!

Но размышлять на эти темы времени у меня не было ни минуты.

Уже забрезжил рассвет. Вдали, за деревней, на чуть просветлевшем небосводе наметились черные контуры леса — того самого леса, откуда мы ждали «гостей».

Что это?.. Конский топот?.. Да, какой-то конник во весь опор приближался к деревне. Мы насторожились. Это был Александр Захаров. Он круто осадил коня и, с трудом переводя дыхание, тихо проговорил:

— Идут, товарищ комиссар!..

— Ш-ш-ш... — оборвал я его и резко обернулся: вокруг никого не было. — Какой я тебе комиссар!

— Виноват, ваше высокоблагородие! — поправился Захаров, быстро войдя в свою роль. — Разрешите доложить, ваше высокоблагородие! — козырнул он. — Отряд Матюхина вышел из лесу. Матюхин просил вас обязательно встретить его часть при подходе к деревне.

— Ясно... Встретим...

— А где Симонов?

— Симонов за мной следует.

Через несколько минут из леса прискакал и Симонов. И он сообщил о том же — идут!

Небо над лесом медленно, но уже ощутимо светлело. На опушке замаячили первые конники Матюхина.

Операция приближалась к своей развязке.

Котовский обернулся к Эктову:

— Ну, капитан, наступает решительная минута.

— Я обещал и не подведу, — ответил Эктов спокойным, глуховатым голосом.

А матюхинские конники уже подняли столбом пыль на проселке, который петлял по полям от леса к деревне. Утренний

ветерок гнал это серое облако на нас... Развязка все ближе и ближе.

Красноармейцы проверяли пулеметы и прицелы, подтягивали подпруги у седел, осматривали винтовки и патронташи, брались за рукоятки сабель — не заклинило ли их в ножнах. Бригада ошетибилась и настороженно затихла. Все были готовы к бою. Ждали только сигнала.

Котовский и Эктов сели на коней, чтобы выехать за деревню для встречи «союзников». За ними на коротком расстоянии выстроился взвод конников с двумя кольтами.

— Предупреждаю еще раз, — тихо и внятно проговорил Григорий Иванович, обернувшись к Эктову.

Эктов молча кивнул головой.

— Приказываю вам, капитан, не отрываться от меня ни на секунду. Особенно когда приблизимся к бандитам. Ясно?.. Чтобы я все время чувствовал ваше стремя.

Котовский с Эктовым в сопровождении нескольких бойцов уехали на встречу с матюхинцами.

Приблизительно в километре от деревни Григорий Иванович впервые встретился со своим «союзником» Иваном Матюхиным — здоровенным, рослым, темноволосым мужиком с крупными чертами лица и свирепым, настороженным взглядом. Котовский рассказывал потом, что Эктов, подъехав к Матюхину, протянул ему руку для рукопожатия, представил «атамана Фролова» и стал упрекать его за излишнюю, обидную для казаков подозрительность и пустую трату времени, которое им всем нужно тратить только на одно дело — на борьбу с большевиками. И Матюхин, и его окружавшие впились в «атамана Фролова» испытующими взглядами. Не желая растягивать разговоры в такой критической обстановке, «атаман» повернул лошадь. Эктов сказал:

— Прошу следовать за нами! Мы вас давно ждем.

Колонна Матюхина — не менее двухсот всадников — снова тронулась к деревне. Слева от Котовского покачивался в седле Матюхин, справа — Эктов. Чтобы не вызывать никаких подозрений, Григорий Иванович наглухо застегнул кобуру маузера. Но правая рука его сжимала в кармане наган. Котовский то и дело искоса поглядывал на Эктова... Сзади следовала матюхинская «свита».

— Стой! Кто идет! — окликнула конников наша застава.

— Киев, — отозвался условным паролем Котовский.

— Корсунь, — ответил командир дозора.

Эктов «представил» меня Матюхину.

— Познакомьтесь, Иван Сергеевич. Это господин Борисов,

представитель партии эсеров. Из Москвы.

Матюхин медленно поднял тяжелую руку к козырьку и, не донеся ее до фуражки, опустил, как плеть, и проговорил:

— Здравствуй, москвич!..

Отведя меня в сторону, он стал расспрашивать, жаловаться...

— Какова обстановка, что народ бает?.. Союзники наши отвернулись, помощью не греют. Видно, и вы нас ничем не порадуете... Наш главковерх без армий, отсиживается не знаю где, от него ни слуху ни духу... Никак, хана пришла всему, что ли?

— Это уж вы, Иван Сергеевич, напрасно черноты подпускаете, — возразил я бодрым голосом. — При вашем положении вам не к лицу такие мысли выкладывать представителю партии. ЦК вас, тамбовцев, центром революции считает, а вы... Главного (я имел в виду Антонова) мы уже оповестили. Если не появится, мы его ждать не будем. Вас выдвинем!.. Но, однако, здесь не место вести такие разговоры. Обсудим все на совещании... А такие настроения, повторяю, надо отбросить!..

Матюхин молча повернулся и подошел к Котовскому.

— Надежно ли охраняется деревня? — спросил он.

— Об этом можете спросить у ваших делегатов, — усмехнулся Котовский. — Они все сами видели...

— Муха не пролетит, а не то что красным пролезть! — подтвердил один из бандитов, который привез нам письмо от Матюхина из лесу.

Матюхин начинал понемногу успокаиваться.

— Как будем размещать ваших бойцов? — обратился к нему Григорий Иванович.

— Знаете, — произнес Матюхин, немного подумав. — Разместим их отдельно от ваших. Вы народ украинский, а мы русские. Еще, чего доброго, перессорятся, шум подымут... Лучше отдельно. Вы — по одну сторону улицы, а мы — по другую...

— Ну, как хотите, дело ваше...

И Котовский отдал приказание нашим квартирьерам разместить «гостей» по избам.

— Коней не расседлывать и в конюшни не ставить! — приказал Матюхин.

Мы с Котовским незаметно переглянулись: этот матерый волк был очень осторожен и, видимо, все же имел какие-то подозрения. Я дал знак Эктову — приглашайте в избу на совещание.

— Командиры соединяющихся частей! — громко сказал Эктов, снова войдя в роль «главного человека». — Я открываю

совещание. Прошу всех следовать за мной. Совещание будет вот в этом доме. Там уже все приготовлено...

Матюхин и его командиры стали подниматься на крыльцо, грузно топая сапогами по ступеням.

7. «Совещание» о походе на Москву

Это была просторная, крепкая изба какого-то деревенского богатея с целым иконостасом в восточном углу. «Совещание» мы решили провести в большой комнате и задолго до приезда мятежников продумали все до мелочей. Матюхина и его «свиту» мы договорились усадить в правый угол, под иконами, загородив «гостей» столом. Сами же мы должны были держаться ближе к двери, чтобы не выпустить антоновцев наружу. Окна плотно закрыли на задвижки.

— Пожалуйста, садитесь сюда! — пригласил я с радушной улыбкой, указав «союзникам» на скамейки и табуретки за столом, под образами. — По русскому обычаю для гостей — почетное место...

Антоновцы стали размещаться за столом, с шумом двигая табуретки и скамейки. Только один из них не хотел залезать в угол. Он наотрез отказался от любезно предложенного ему места и сел ближе к нам прямо на пол рядом со столом, положив винтовку на колени. Это был эсеровский «комиссар» из Тамбова. Из всех наших «гостей» он был, наверное, самым подозрительным и настороженным; он словно нутром своим чувствовал что-то неладное и — нетрудно было это заметить — держал себя «на боевом взводе», готовый каждую секунду ко всяким неожиданностям. Он-то чуть было и не погубил нашего комбрига. Но об этом пойдет речь позже...

Комнату освещал сальник — «моргасик», который стоял на столе... Когда «гости» и мы рассаживались по обе стороны стола, по пустым стенам, по иконам бродили широкие тени.

Нас было двенадцать. Их — около пятнадцати.

Наконец, обе «договаривающиеся стороны» уселись за столом. Эктов встал и произнес несколько фраз и тут же слово предоставил мне.

Отчетливо помню я до сих пор эту минуту... Помню, как я поднялся со скамьи и взял в руки листки с моим «докладом». Николай Гажалов, начальник особого отдела бригады, поднял со стола «моргасик» и стал мне светить. Живые руки — не железная подставка, и свет коптишки словно оживил тени и снова заставил их шарахнуться по стенам.

Я считался неплохим оратором, умел владеть собой в трудные минуты, но тут вдруг замолк и не мог сразу найти первых, вступительных слов. Пауза длилась всего лишь десяток секунд, но мне она показалась долгой.

В сенях и за окнами вдруг послышался шум, который

насторожил «гостей». Как выяснилось, повздорили наши и матюхинские коноводы. Настороженные матюхинцы не хотели ставить своих лошадей в сарай, хотя мы готовы были высыпать в кормушки весь овсяной запас.

Котовский быстро вышел в сени и сказал:

— Потихе, господа! Вы мешаете совещанию...

Вслед за Котовским спокойно, не торопясь, вышел из избы и командир первого полка (он же «есаул») Иосиф Попов, которому была поручена «охрана совещания». Мы почувствовали себя немного спокойнее: Попов должен был предотвратить подобные стычки.

Этот маленький инцидент немного разрядил напряженное состояние и позволил мне начать доклад.

— Как лучше, господа командиры, — заговорил я, — прочитать резолюцию всероссийского совещания партизанских сил или просто изложить основные положения принятых совещанием решений?

— А ты попроще, попроще, — буркнул Матюхин. — Да поближе к делу. Так-то оно лучше будет.

— Правильно, — поддакнул тамбовский «комиссар» с винтовкой на коленях.

— Хорошо, так и поступим...

Я начал «доклад»... Стал рисовать перед матюхинцами самые светлые, радужные перспективы. Блистательные победы над Красной Армией и власть над Тамбовщиной да и над всей Россией-матушкой ожидали их, по моим словам, в самом недалеком будущем. Я обещал им полную поддержку со стороны «дружественных государств» и деньгами, и оружием, и всяким военным снаряжением, и даже новой интервенцией. От славных «партизан» Тамбовщины требовалось мобилизовать все свои силы, храбро и победоносно действовать по директивам из подпольного эсеровского центра в Москве.

Постепенно хмурые лица бандитов просветлели. Слушали они доверчиво, руки их уже не лежали на револьверах и гранатах, подвешенных к поясам. Как им, загнанным в последний лесной угол, хотелось поверить в то, что еще не все проиграно, что они еще разделаются с большевиками! Даже тамбовский «комиссар» не смотрел уже так подозрительно. Он даже попытался закурить, обшарил карманы и, не найдя табак, с досады махнул рукой и снова взялся за карабин.

— Я глубоко удовлетворен нашей с вами встречей, господа, — говорил я, совсем уже войдя в роль. — Думаю, что не ошибусь, если скажу: здесь нет «сторон», а есть верные союзники, командиры двух крупных кавалерийских соединений центра и

юга России, сражающихся во имя общих политических целей и идеалов. Юг представлен атаманом Фроловым, прославившимся мужественной борьбой на Украине... Сожалею, что среди нас нет Александра Степановича, верховного главнокомандующего тамбовскими повстанцами. Он продолжает лечение... Но, как известно, во время военных действий отсутствие верховного командования нельзя допустить даже на короткое время. ЦК партии социалистов-революционеров остановил свой выбор на Иване Сергеевиче Матюхине, и я уполномочен сообщить вам об этом. Ивану Сергеевичу надлежит принять на себя руководство главным оперативным штабом партизан Тамбовщины. Заместителем его рекомендовано назначить Павла Тимофеевича Эктова... Что же касается вопроса о командующем объединенными силами, то предлагаю решить его в более узком кругу... Итак, господа, я заканчиваю. Объединенными силами наших частей — вперед, на Тамбов и Москву! После меня слово взял «атаман Фролов»:

— Я в принципе поддерживаю директивы совещания «партизанских» сил в Москве. Нам надо объединиться и действовать против красных сообща. Я согласен принять на себя командование объединенными силами.

Тут вмешался Матюхин. Он не хотел отдавать своей власти.

— Господа донцы и кубанцы! — возразил он. — Командование лучше оставить за нами. У вас небольшой отряд, и он должен влиться в наши силы. Да и местность мы знаем куда лучше, и связь с населением у нас налажена...

Но «атаман Фролов» не хотел уступать. Завязался спор... Мы оттягивали время, чтобы наши командиры и бойцы за стенами избы смогли лучше подготовиться к решающей схватке с «гостями» из леса. И они, как потом мы узнали, времени даром не теряли. Наши товарищи, «проявив заботу» о матюхинских конях, предложили покормить их овсом, завели в сарай и позднее незаметно от коноводов заперли.

Спор получился самый натуральный, что еще больше успокоило бандитов. Ясно, что такой «деловой разговор» может произойти только между «своими». Матюхина поддержал тамбовский «комиссар», он кипятился больше всех наших «союзников». «Комиссар» вообще не хотел с нами соединяться. Он допускал совместные действия, но под общим командованием Матюхина.

Котовский поднялся из-за стола и собрался снова говорить... Я увидел, как наши командиры стали незаметно убирать руки со стола. Каждый из нас сжал рукоятку револьвера. Наступала развязка. По договоренности между нами сигнал должен был

подать Котовский взмахом левой руки.

Полное загорелое лицо Котовского покрылось потом. Даже он, человек большого мужества, в эту минуту держался напряженно. Он снова заговорил, заикаясь больше обычного. И вдруг, взмахнув левой рукой, крикнул громовым голосом:

— Хватит ломать комедию! Я — Котовский! Расстрелять эту сволочь!

И, выхватив наган, направил его на Матюхина и спустил курок.

Осечка!

Котовский снова нажал на спусковой крючок.

Опять осечка!

Прогремел выстрел: тамбовский «комиссар», не вставая с полу, успел приподнять винтовку и направить ее на Котовского. Григорий Иванович стал медленно опускаться на скамейку.

Но в ту же секунду, вместе с Котовским, наши командиры и комиссары дали первый залп по бандитам. Затем — второй. «Моргасик» погас, и комната погрузилась в темноту. В этой тьме несколько секунд бушевал шквал выстрелов. Нас окутал пороховой дым, с потолка сыпалась труха, зазвенели стекла разбитых окон.

При первых же выстрелах Эктов нырнул под стол и стал ползком выбираться из комнаты.

Стрельба вспыхнула и за стенами избы. Там, на деревенских улицах, котовцы вели бой с бандитами. Слышалось дружное «ура!».

Я бросился было к выходу, но тут увидел в сумерках, к которым уже начинал привыкать глаз, знакомую фигуру Котовского. Он медленно, опираясь на стену, передвигался к двери. Его поддерживал Н. Гажалов.

— Комиссар, — с трудом проговорил он, опершись на мое плечо, — ранили меня. Принимай командование, кончай бой...

Лекарский помощник Андрей Хошаев вместе с медицинской сестрой Сашей Ляхович наскоро перевязали Григория Ивановича. Бандитская пуля попала ему в правую руку у плеча. На пулеметной тачанке, запряженной тройкой, мы немедленно отправили комбрига на ближайшую железнодорожную станцию — Сампур.

Котовского охранял в пути кавалерийский взвод. Был ранен в ногу и комиссар 1-го полка Иван Данилов.

Когда в центре села вспыхнула стрельба, часть матюхинского отряда — свыше шестидесяти человек и на лошадях и пешими — рванулась к лесу, который подступал к Кобылинке с северо-западной стороны. За селом пролегал неглубокий овраг, густо

заросший кустарником. Если бы бандиты успели нырнуть в этот естественный коридор, то... поминай, как звали!

Матвей Кононенко, старший разведчик эскадрона, сразу же разгадал маневр удиравших антоновцев. Не дожидаясь приказа, он вместе со своим взводом бросился наперерез отступавшей банде. По бандитам хлестнул огонь из ружей и пулеметов. Передвижение их задержалось. И тут же их настигли эскадроны Николая Скutelьника и Владимира Чистякова. Но около тридцати антоновцам все-таки удалось укрыться в лесу.

Схватка за околицей Кобылинка была не единственным боем, в котором отличился смелый и инициативный котовец Матвей Кононенко... Незадолго до этой секретной операции Котовский лично дал приказ Кононенко — разведать село Дегтянка, определить численность остановившегося там антоновского отряда и разузнать о его намерениях. Наш разведчик с шестью конниками бесшумно подобрался к заставе мятежников и свалился на них буквально как снег на голову. Бандиты так растерялись, что не успели даже вскочить на коней, и бросились врассыпную. Вскоре два «языка» уже стояли перед комбригом. Они выдали расположение своего отряда и пароль. Григорий Иванович поднял полк и повел его в бой. В конном строю полк окружил село Дегтянка, снял заставу и двинулся к деревне Вихляйке, где расположилось ядро банды. Антоновцы в панике бежали, потеряв свыше сотни убитыми и около сорока пленными.

За разведку в селе Дегтянка, за бой у села Кобылинка и другие славные подвиги Матвей Прокофьевич Кононенко был награжден орденом Красного Знамени.

Бой с матюхинским отрядом был скоро окончен. Победа!.. Радость ее омрачало разве лишь исчезновение Матюхина. Ему удалось унести ноги. Почти всех остальных главарей расстреляли прямо в избе или под окнами, куда они успели выброситься. Как потом выяснилось, Матюхин, раненный несколькими пулями в избе, выбрался через дверь во двор и уполз за околицу. Но от заслуженной кары он недалеко ушел: через два месяца в перестрелке в Нару-Тамбовском лесу с группой чекистов он был убит.

Руководящая головка мятежа, которая держала в страхе обманутых и насильно загнанных в банды крестьян, была раздавлена. Мы выполнили приказ командования — уничтожить антоновских верховодов как можно скорее и с малой кровью. Матюхину и его подручным не удалось отсидеться за спинами крестьян, «мобилизованных» ими с помощью демагогии, угроз и расстрелов.

Среди оставшихся в живых матюхинских командиров был еще

совсем молодой человек по фамилии Муравьев. Во время облавы после «совещания» он был найден в одном из ближайших дворов в копне сена. Напряженное, бледное лицо выражало волнение и тревогу. Вокруг головы, по всей ширине лба, была небрежно, на скорую руку намотана повязка, стянутая узлом на затылке; на виске повязку пропитала кровь.

— Кто вас ранил? — спросил я его.

— Не знаю... Кто-нибудь из тех, кто стрелял в избе... Пустяки! Пуля по виску скользнула и оглушила, потерял сознание. Поэтому и не сумел уйти в лес...

Я приказал оказать раненому первую помощь. Потом приступил к допросу.

На первых порах Муравьев держался дерзко.

— Я тамбовец, учился в реальном училище, — рассказывал он о себе. — Свою принадлежность к партии социалистов-революционеров признаю. Был у Матюхина адъютантом... Буду и дальше бороться против большевиков и продразверстки. Да что там говорить! Вы меня все равно расстреляете!

— Если вы не поймете своих ошибок и не раскаетесь в совершенных преступлениях, то, может быть, вас действительно расстреляют.

— Что привело вас в партию эсеров? — спросил Муравьева Николай Гажалов.

— Как что? — искренне изумился пленный и посмотрел на нас с удивлением: неужели вы этого не понимаете?! — Эсеры — партия революции и героического террора... Мы за созыв Учредительного собрания, за землю крестьянам...

— Каким крестьянам? — перебил я. — Есть бедняки, есть середняки, есть кулаки-миroeды... И помещики до последнего времени на земле сидели, только сами ее не обрабатывали. Кому дать землю? Вот главный вопрос в нашей борьбе за землю.

Муравьев замаялся и потом неуверенно произнес:

— Допустим, всем... Об этом наши вожди знают.

— Если так, то вы, выходит, существа эсеровской программы не знаете... Или сознательно уклоняетесь от ответа на мой вопрос. И вот, не понимая программы эсеров, целей их борьбы, вы проливаете кровь народа...

Муравьев молчал... Я чувствовал, что передо мною сидит честный, но вконец запутавшийся человек. Это о таких молодых эсерах говорил в свое время В. И. Ленин, что у них теоретическая каша в головах и отсутствие революционной последовательности в сердцах.

— Программа эсеров — это, по существу, программа кулацкая, программа помещиков и капиталистов... Земля, за

которую вы боретесь, уже передана Советской властью бедняку и середняку. А продразверстка отменена на Тамбовщине еще в феврале. Большевики помогут крестьянам организовать в коллективные хозяйства, помогут лошадьми и сельскохозяйственным инвентарем.

Пленный сидел с поникшей головой, охваченный сомнениями и новыми мыслями.

— Когда мы получили приказ начальника штаба Эктова, — проговорил он, — почти никто из нас не сомневался. Я первый поверил, что вы действительно идете на соединение с нами с Дона и Кубани. Вас, руководителей, трудно было раскусить. Но как рядовые бойцы не выдали вас, не проговорились, это для меня непостижимо!

— На последний вопрос я вам отвечу... В чем разница, спрашиваете вы, между вами и нами и почему красноармейцы не выдали наших планов?... Когда мы ликвидировали вашу головку — командиров, вся ваша часть от первого удара разбежалась, и случилось так потому, что ее не связывала идея; это был просто обманутый и запуганный народ. И хотя наш отряд начал бой без старших командиров, но красноармейцы знали и понимали свою задачу, вели бой по собственной инициативе. Красная Армия спаяна коммунистическими идеями, и каждый красноармеец знает, за что он борется, чьи интересы защищает.

Муравьев смотрел на меня широко открытыми глазами. Когда я кончил, у него вырвалось восклицание:

— Вы, большевики, добьетесь своего! Я это допускаю...

— Сделайте еще один шаг, — сказал я, улыбнувшись, — признайтесь чистосердечно.

Позже я узнал, что Муравьев, отправленный нами в Тамбов, в штаб командования Красной Армии, за откровенное раскаяние был помилован.

Утром, когда раннее июльское солнце уже поднялось над горизонтом, мы решили созвать крестьян Кобылинки на митинг. Красноармейцы пошли по деревне, от избы к избе, и стали приглашать жителей на сходку. Вскоре напротив дома, где стрельба недавно закрыла «совещание» о походе на Москву, собралось свыше ста человек. Крестьяне стояли молча, смотрели на нас настороженно, с опаской.

Я взобрался на тачанку и открыл митинг.

— Товарищи крестьяне! Мы — бригада Котовского... Последние силы антоновцев, которыми командовал Матюхин, нами сегодня полностью разгромлены, а командный состав их — уничтожен. Мы понимаем, какая тяжелая судьба выпала на вашу долю в последние годы, какие беды навлекли на ваши головы

антоновские повстанцы. Вы потеряли покой, потеряли возможность мирно трудиться. Многие лишились домов, скота. Мятежники забирали у вас последние остатки хлеба... Но теперь пришел конец всему этому! Антоновцы много лгали вам на Советскую власть. Они даже скрыли от вас, что товарищем Лениным еще в начале этого года снята продразверстка с тамбовских крестьян. А позднее партийный съезд большевиков заменил продразверстку продналогом. Это дает вам возможность, после сдачи продналога государству, оставить хлеб у себя и распоряжаться им, как вы захотите... Я обращаюсь к вам: сейчас же выдайте всех попрятавшихся в деревне бандитов, которые не хотят добровольно сдаться нам с повинной. От нас они все равно не уйдут, мы вместе с вами начнем прочесывание деревни. Те же, кто добровольно сдадутся с оружием и конем, — тех мы помилуем.

После сходки два наших эскадрона выловили в Кобылинке до тридцати антоновцев. Где только они не прятались! И в скирдах соломы, и в сараях с двойными стенами, и под перинами, и даже в колодце со срубом. Около сорока мятежников сдались добровольно.

Группа котовцев — человек двадцать пять — была оставлена нами в Кобылинке на несколько суток для организации ревкома и самообороны села и для оказания помощи крестьянам в уборке урожая и других сельскохозяйственных работах.

А мы в тот же день после полудня выступили в обратный путь, в Медное. Провожало нас село хлебом и солью. И хотя хлеб был с лебедой, зеленоватый, мы приняли его как драгоценный подарок, как свидетельство верности Советской власти.

В Медное возвращались с песнями... Ядро бригады Котовского — уроженцы Молдавии и Южной Украины, песни они любили и пели хорошо.

По Дону гуляет,
По Дону гуляет,
По Дону гуляет казак молодой,—

разносилось над полями и перелесками Тамбовщины.

В хоре выделялся звонкий, почти детский голос. Я обернулся и невольно улыбнулся: это старался во всю силу своих молодых легких воспитанник бригады пулеметчик Коля Ткачук.

Я поманил его к себе.

— Ну как дела, Николай? Не испугался?

— Что вы, товарищ комиссар! Да мы их как резанули из своего «максима», так они в землю и зарылись!..

У этого старательного, смышленного и отважного паренька, несмотря на его четырнадцать лет, за спиной была уже большая и трудная жизнь... И ждала его в отдаленном будущем удивительная судьба, о чем мы тогда, конечно, не знали. И вот теперь мне хочется рассказать об этом простом и хорошем человеке, который живет сейчас со мной под одним и тем же московским небом и работает на автозаводе имени И. А. Лихачева.

Попал он в нашу бригаду так...

Летом 1920 года бригада с боями ворвалась в украинское село Червонное, выбив из него белополяков. Помню, нас радостно, с красными флагами встретили рабочие местного сахарного завода, принадлежавшего до революции известному заводчику Терещенко, бывшему министру иностранных дел Временного правительства.

В Червонном мы остановились на несколько дней. И сразу же бойцов окружили босоногие хлопцы, одетые в старье и рванье, худые, но веселые и любознательные. Особенно много толпилось их всегда вокруг кухни: голодные ребята хорошо знали, что их обязательно тут покормят. Я часто наблюдал такие сценки: проглотит боец две-три ложки, а потом протянет котелок ребятам: «Ешьте, хлопцы, мы-то уже раньше поели...»

Однажды один из местных хлопцев запоздал к раздаче пищи, и на его долю ничего не осталось. Он подошел к нашему повару и попросил у него разрешения вымыть котел. Парнишка соскреб со дна остатки пищи, съел их, а затем старательно вымыл котел. Подошел командир-котовец, похвалил его, спросил — кто, откуда?

— Батька у красных, за Днепром, — отвечал парнишка. — Брат Сашка пошел гайдамаков бить. За то, что они отца избили... Возьмите меня с собой! Может, батьку или брата встречу где-нибудь... Возьмите, я уже большой! Я все могу делать...

— А лошадей не боишься? — спросил, смеясь, командир. — Мы же ведь кавалеристы, котовцы!..

— Нет, не боюсь!

— Ну хорошо. Сейчас проверим.

Парнишку усадили на лошадь без седла и приказали скакать по поселку из одного конца в другой. Испытание он выдержал, и его взяли на кухню, ездовым. Матери хлопца мы дали муку, которую местный поп прятал у себя в саду. А через день бригада пошла на Житомир. В наших рядах стал служить еще один котовец — самый молодой, Коля Ткачук. Парнишка привык к нам, рассказал о своей судьбе.

Отец его был передовой рабочий-механик, участник

революционных боев в Москве в 1905 году. За участие во всеобщей забастовке царские власти посадили его в тюрьму. С девяти лет Коля пошел батрачить на помещика. Потом поступил на сахарный завод фабриканта Терещенко. И тогда впервые Коля пережил радость шагать в ногу со взрослыми рабочими, направляясь утром в цехи или уходя вечером домой. Рабочие по очереди приглашали Колю домой поужинать: «Твоим братьям и сестричкам больше останется». А ведь их-то было шестеро, кроме Коли, да еще старший приемный сын Александр.

И вот однажды, слякотным февральским утром, пришел, как обычно, Коля Ткачук на завод и — ничего понять не может. Никто не работает, машины стоят, свеклу не грузят; мастера бегают, вид у них растерянный и даже испуганный.

— Ну, Колька, сегодня не работаем! — крикнул парнишке один из рабочих — товарищ его отца. — С флагом по местечку пойдем!.. Твоего тезку — Николая Второго с престола сшибли. Революция!

— Революция? А что такое революция?

— Пойдем с нами — узнаешь... Мы тоже не во всем еще разбираемся, но думаем, что будет к лучшему... Видишь, уже управляющий стал поласковее, просит топки не гасить, главные котлы поддержать...

В этот день Коля шагал вместе со взрослыми под красным знаменем... А вскоре ему пришлось выдержать первый бой, защищая это знамя.

Случилось это так. Однажды ученики школы, в которой, не бросая работы на заводе, стал учиться Николай, попросили его принести с завода кусок красного полотна, чтобы вывесить над школой революционный флаг. Когда полотнище заалело над школьным крыльцом, прибежал батюшка — учитель закона божьего и потребовал немедленно снять флаг. Ребята растерялись и молча стояли, переминаясь с ноги на ногу. Тогда батюшка приставил лестницу к стене и полез за флагом.

— Этот флаг по решению рабочих повесили, — сказал Николай, — за революцию.

— Здесь школа и закон божий, а не революция!

Батюшка снял флаг, сломал древко и выбросил его в яму, а ребят загнал в школу.

В перерыве между уроками Николай с двумя товарищами снова вывесили красный флаг, еще выше, у самой трубы, куда жирному священнику уже не под силу было добраться.

На следующий день Николая в школу не пустили. Вызвали мать и пригрозили ей: если не повлияете на своего сына, выгоним его из школы.

Обо всем этом узнали рабочие. После смены они принесли большой красный флаг и прибили его над входом. Директору школы и священнику сказали:

— Если снимете — выгоним из Червонного!.. — И особо для батюшки: — Смотри, тронешь Кольку, получишь дольку... в два аршина!..

— Ходи, Николай, в школу и смотри за флагом. Тебе поручаем!..

Начались тяжелые, страшные времена. Сначала пришли немецкие войска, потом — всякие «батьки» и атаманы и, наконец, белополяки. Их, белополяков, изгнали буденновцы. Вот тогда-то и началась для Коли Ткачука новая жизнь. Он стал котовцем. Помогал на кухне, потом стал пулеметчикам помогать.

Однажды пулеметный взвод, где находился Коля, попал в тяжелое положение: он оторвался от сабельных эскадронов и ему пришлось сдерживать ожесточенные контратаки белополяков. Патроны были на исходе. Где находился штаб бригады, наши пулеметчики не знали. Решили послать за помощью Колю под видом деревенского хлопца. Он пробрался через польские заставы, отыскал штаб бригады и передал устное донесение Григорию Ивановичу... проверив предварительно его документы (до этого случая он с комбригом еще не встречался). И когда Котовский приехал в пулеметный взвод, он приказал командиру, кивнув в сторону Коли:

— Подгоните одежду, сшейте сапоги по ноге... Да берегите его! Он мне как сын родной...

Обнял парнишку, поцеловал и ускакал.

В дни боев с бандами Махно Коля Ткачук стал смелым и ловким разведчиком. Перерядившись в хлопца, он проникал в самое логово махновцев и разузнавал об их планах. Он крутился рядом с пьяным «батькой» и вместе с другими ребятами подбирал конфеты, которые подгулявший атаман разбрасывал вокруг себя. Большим усилием воли удерживал себя наш юный разведчик от желания швырнуть «лимонку» прямо под ноги Махно. Приказ Котовского запрещал ему это. Однажды на обратном пути из махновского логова его схватили махновцы. Он показал им как «пропуск» конфету, которую получил «в подарок» от Махно. Пропустили.

В ночь «секретного совещания» с матюхинцами Коля лежал за пулеметом на окраине Кобылинки... Там с ним произошел эпизод, о котором мы потом долго вспоминали с улыбкой. Коле очень не хотелось расставаться даже на сутки с буденновским краснозвездным шлемом, и он тайком от командира засунул его под гимнастерку и затянул ремнем. Ночью, в засаде, шлем

вывалился на траву. Бойцы крепко отчитали парня (ведь такая оплошность могла сорвать всю операцию) и заставили его тут же закопать шлем в землю.

О том, как сложилась дальше судьба Николая Ткачука, многие из читателей, наверное, уже знают. 5 апреля 1964 года «Правда» опубликовала большой очерк известного советского писателя С. С. Смирнова «Верность и мужество», посвященный, как в нем говорилось, «великолепному и цельному героическому характеру советского человека, бойца, коммуниста». В текст очерка заверстан портрет Николая Степановича Ткачука в форме советского майора... Сколько лет прошло, но я легко угадываю в чертах мужественного, волевого лица облик нашего общего любимца Кольки — ездового и подносчика патронов из первого взвода!..

Когда окончилась гражданская война и наша земля была очищена от всех антисоветских банд, Николай Ткачук поехал учиться. Сначала — на рабфак, а затем — в Харьковский институт механизации и электрификации. Из стен института вышел инженером-автомобилистом, стал работать главным диспетчером Московского автомобильного завода.

Летом сорок первого года он ушел добровольцем на фронт. Вскоре его танковая часть попала в окружение под Дорогобужем. Его тяжело ранило. Семье, в Москву, сообщили, что он убит. Но он выжил, был схвачен гитлеровцами. Потом три побега из немецких лагерей, борьба с фашизмом в рядах французского Сопротивления, плечом к плечу с коммунистами Франции. В январе 1945 года Ткачука еще раз хватают немецкие полицейские. Из лагеря его уже освободили британские войска.

После войны на долю Николая Степановича выпали новые испытания: приспешники Берия арестовали и осудили его как «изменника». Но старый боец и закаленный коммунист не был сломлен этим вопиющим беззаконием; после смерти Сталина он был полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

...В Медное вернулись еще до захода солнца.

Котовского благополучно довели до Сампура, а оттуда срочно отправили по железной дороге в Тамбов, где работала военврачом бригады его жена. Ольга Петровна была сильно встревожена внезапным ночным приездом мужа. Всегда спокойная, выдержанная, она взяла себя в руки и уже как врач осмотрела рану, перевязала плечо, наложила гипс. Ольга Петровна отвезла мужа в Москву, где его, по распоряжению командования Красной Армии, поместили в одну из лучших клиник — клинику профессора Мартынова.

Маститый хирург, работавший в госпиталях первой мировой

войны, признавался потом, что он не знал до встречи с Котовским такого могучего и волевого пациента. Уже на третий день Григорий Иванович сказал ему:

— А не пора ли кончать, профессор? Хлопцы ждут. Передают, что новое задание получено, а я тут на пуховой перине полеживаю...

— Это мальчишество! — рассердился профессор. — Никуда я вас не пущу!.. И вообще, держите себя как больной. Прекратите лишние движения. Какая может быть гимнастика в вашем состоянии? Здесь госпиталь, а не цирковая арена!..

— Что касается физической культуры, профессор, — примирительно улыбнулся Котовский, — то вы не правы. Это я по личному опыту сужу. А опыт у меня солидный — многие годы каторжной тюрьмы, камера смертника. Могу вас уверить, профессор, что зарядка мне очень помогла и из тюрем бегать, и с каторги уйти, и ожидание казни пережить...

О беззаветной храбрости, военном таланте Григория Ивановича Котовского много рассказано, много написано. Мне, около трех лет жившему и воевавшему вместе с ним, как говорится, бок о бок, хотелось бы напомнить о некоторых чисто личных чертах его характера, которые, не менее его боевых подвигов, важны для каждого, кто хочет понять этого великолепного человека.

«В здоровом теле — здоровый дух», — гласит древняя истина. И всякий раз, когда читаю или слышу эту ясную и мудрую поговорку, я невольно вспоминаю Григория Ивановича. Он как бы являл собою неразделимо слитые мощь духа и мощь тела. Его железный характер помогал ему переносить тяготы жизни, а железный организм постоянно придавал силы его неукротимому духу.

Вспоминается один эпизод. Наша бригада остановилась в одном селе, расположенном на берегу речки Ржакса. Полевой штаб мы разместили в доме местного священника.

Просторный, хорошо обставленный дом пустовал: батюшка вместе с домочадцами поспешно удрал при нашем подходе и примкнул к антоновцам, дабы помочь им пастырским благословением и словом божьим.

Стоял знойный летний день... Я вошел в гостиную, где, казалось, было попрохладнее, и мое внимание сразу привлек массивный шкаф, плотно набитый книгами и подшивками журналов. Надо отдать должное, батюшка был большим книголюбом и читал книги «светского» содержания. На полках стояли тома Надсона, Короленко и даже Льва Толстого и Горького. Тут же лежали подшивки «Огонька» и «Нивы» за

последние годы. Я взял одну из увесистых подшивок, стал листать ее и вдруг наткнулся на какие-то человеческие силуэты. Рисунки эти, как выяснилось, иллюстрировали «психофизиологическую гимнастику» доктора Анохина. Это меня очень заинтересовало. Положив раскрытый журнал на пол и глядя на фигуры, я проделал два первых упражнения.

— Э-э, комиссар, так дело не пойдет! — услышал я за спиной громкий и веселый голос Котовского. — Раздевайся, комиссар!..

Позванивая шпорами, комбриг вошел в гостиную, поднял с пола журнальную подшивку и стал с любопытством разглядывать рисунки.

— А вы что, — попытался отшутиться я, — когда в одиночной камере сидели, тоже догола раздевались?

— Ну, там другое дело. Холодно было, да и не разрешали, — отозвался он, не отрывая взгляда от журнала. — Анохин. Киевский врач... Слышал о нем... Это очень кстати, Петро! Мы крепко в седлах выматываемся, гимнастика нам очень пригодится. Будем делать! Вместе начнем...

Он вышел во двор и крикнул своему коноводу:

— Черныш, принесите два ведра воды! Да похолоднее...

Мы оба разделись и старательно проделали весь анохинский комплекс — двенадцать упражнений. Коноводы облили нас холодной водой, и мы, как дети, прыгали, смеялись, перебрасывались шутками. Потом до красноты растерли кожу полотенцами и почувствовали бодрость, свежесть и легкость.

С того дня мы старались каждое утро делать физическую зарядку; я ее не бросаю уже сорок три года. Постепенно втянули командиров и бойцов, и зарядка стала в бригаде повседневным делом. Позднее, когда мы вернулись на Украину, гимнастика стала обязательной частью боевой подготовки в дивизии, а затем и в корпусе. В Умани, где находился штаб кавалерийского корпуса, по предложению Григория Ивановича и под его руководством был создан спортивный городок, куда стали приходить жители этого города, особенно молодежь.

8. В зарослях Змеинового болота

Есть что-то символичное в том факте, что антоновщина кончилась, «испустила дух» в заболоченных зарослях по берегам реки Вороны.

Осколки антоновских «армий» к началу августа 1921 года попрятались в своей «цитадели» — в болотах и камышовых зарослях. Этот участок достигал в длину двенадцать километров и в ширину — четыре — шесть. С запада он был ограничен крутым овражистым и лесистым берегом Вороны и открытой равниной, на которой расположились деревни Рамза, Пушино, Салтыкове. Вдоль Вороны тянулась цепь небольших озер — Змеиное, Ясное, Лебединое. Среди камыша в человеческий рост кое-где возвышались и лесистые островки. Один из них, называвшийся «Золотой клеткой» (или еще «Тюремной клеткой»), был излюбленным антоновским логовом. «Золотую клетку», как ров средневековую крепость, окружала глубокая вода.

Весь этот заболоченный участок оцепили красноармейские части, среди которых была и наша кавалерийская бригада. А пехотинцы и красные курсанты двинулись прочесывать болота, заросли, лесистые островки. Это было тяжелым и опасным делом.

Антоновцы тщательно укрывались в зарослях. Болотные кочки они срезали на аршин от воды и этот срез затем углубляли. Человек прятался в эту яму и накрывался срезанной верхушкой, как танкист — крышкой люка, оставляя неприметную, узкую щель или отверстие для притока воздуха. В такие кочки складывали также запасы продовольствия и медикаментов.

Кочки на болотах были соединены жердями, настилом из ветвей, палок и соломы. По такому настилу можно было свободно ходить и даже ставить на нем легкие шалаши из тростника. Рассказывали, что на таком настиле обнаружили даже... походную камышовую церквушку! В полу таких шалашей нередко проделывали отверстия и через них спускали в воду в специальных корзинах мясо, молоко и масло в крынках и бутылках. Два шалаша, видимо для лучшей маскировки, были накрыты дерном. У бандитов было спрятано немало лодок.

А самые хитрые и ловкие антоновцы, заметив или заслышав приближение красноармейцев, погружались с головой в болотную воду и дышали через тростники.

Красноармейцы прочесывали болота, двигаясь по пояс в воде; переплывали глубокие места, загребая лишь одной рукой, а в другой держа над головой винтовку и патроны. Бойцы сутками не получали пищи. Рота курсантов с небольшими перерывами

восемь дней пробыла в болотах по пояс в воде.

Приходилось проверять каждую кочку и опасаться выстрела из-за каждого куста. Одного бандита красноармеец обнаружил случайно, наступив на ворох сухих листьев, в которые он закопался. Другой антоновец, перерядившись в красноармейскую форму, долго шел вместе с нашими бойцами, желая таким образом выбраться из оцепления, и исчез в камышах лишь тогда, когда красноармейцы стали собираться по ротам.

Антонова и его ближайших приспешников и на этот раз не удалось обнаружить. Сначала красноармейская цепь прошла в нескольких шагах от них, но они отсиделись в кочках. Потом они снова попали в кольцо одного из эскадронов нашей бригады. Тогда Антонов пустился на хитрость. Он приказал шестерым «партизанам» выйти из зарослей и сдаться. Это были рядовые повстанцы, им нечего было бояться. От них требовалось только одно: молчать о том, что с ними был Антонов. А сам Антонов вместе с братом Дмитрием и еще двумя главарями мятежа зашел по шею в озеро, заросшее камышом, и выждал. Когда оцепление вместе с шестью пленными ушло (наши кавалеристы не знали, сколько людей было в этой группе и кто с ними был), Антонов со «свитой» сел в лодку, припрятанную в камышах, переплыл озеро и скрылся.

Но уйти от возмездия Антонову не удалось. Оно настигло его и брата Дмитрия в селе Нижне-Шибряй вечером 24 июня 1922 года. Чекисты окружили избу, где «гостили» вышедшие из леса братья Антоновы, и приказали им сдаться. Те ответили огнем из маузеров. Пытаясь прорваться к лесу из горящей избы, оба Антоновы были убиты в перестрелке.

Послесловие

После разгрома матюхинской банды наша бригада недолго пробыла на Тамбовщине — ровно месяц. Мы вылавливали и обезоруживали шайки антоновцев и помогали налаживать мирную жизнь в очищенных от мятежа селах и волостях, помогали укреплять Советскую власть в этих местах. Как говорил Владимир Ильич, «до сих пор мы приноравливались к задачам войны. Теперь мы должны приноравливаться к условиям мирного времени»²¹.

Во многих селах и деревнях — Петровском, Дубовке, Золотовке, Уварове, Семеновке и других — мы собирали многолюдные митинги и сходы, выступали перед крестьянами, разъясняли им политику большевистской партии и Советской власти в деревне, рассказывали им о существовании продналога, отвечали на бесчисленные вопросы.

В Дубовке создали избу-читальню, передав в нее газеты, журналы и брошюры из полковой библиотеки. Показывали даже самодеятельные спектакли, собиравшие все население — от стариков до малых детей. Радостно было видеть, как люди, которых не один год подряд терроризировали бандиты, люди, еще недавно удрученные горем, замкнутые, молчаливые, непринужденно смеялись, глядя на наших «артистов». Деньги, собранные на этих спектаклях в виде добровольных пожертвований, были переданы в фонд помощи голодающим Поволжья.

Помогали мы, конечно, не только словом, но и делом. Тамбовские крестьяне воочию могли убедиться в том, что Красная Армия недаром называлась «рабоче-крестьянской»! Котовцы, взяв с собой лошадей, работали на пахоте паров, на вывозке хлеба с полей.

Очень трудно и сложно было налаживать нормальную жизнь в селах и деревнях, опаленных «антоновым огнем». Немало бандитов еще рыскало волками по лесам, отсиживалось в тайниках. Озлобленные полным поражением мятежа и симпатиями крестьянской массы к Советской власти, они готовы были на жестокие действия и ждали только дня, когда уйдут из этих сел и деревень красноармейские части.

— Оно, конечно, правильно, — поддакивали нам крестьяне на сходке. — Вот вы тут — и нам полегче. А уйдете — нас «партизаны» повырезать могут...

— У меня, — добавил демобилизованный красноармеец, — уже несколько дней на воротах крест углем выведен.

— Волков бояться — в лес не ходить, — отвечали котовцы. — А вы что, не сила? Только сорганизоваться надо, друг за друга держаться, товарища в обиду не давать. Создавайте из крестьян самооборону, а мы поможем!..

Мы помогли крестьянам выбрать сельские ревкомы, и на первых порах красноармейцы и командиры, по настоятельной просьбе населения, вошли в эти комитеты. Крестьяне сразу почувствовали себя увереннее. Помню, как в селе Ивановка Кирсановского уезда на общем сходе, избравшем ревком, жители приняли такое постановление: «Мы, граждане с. Ивановка, свой ревком проклятой банде в обиду не дадим, станем, как один, на его защиту».

Часто обращались мы с такими призывами: «Передайте своим родственникам, соседям, которые все еще с оружием в руках в лесах скрываются, чтобы они выходили оттуда и добровольно сдавались Красной Армии». После такого обращения к жителям села Лукино буквально на следующий день два крестьянина привели пять бандитов, служивших в отрядах Васьки Карася и Кузнецова. А вскоре добровольно перешел на нашу сторону со своими людьми и сам Кузнецов. Его поступок сильно повлиял на остатки антоновских банд, которые таяли, как снег под вешним солнцем. Антоновцы массами переходили на сторону Советской власти.

19 августа 1921 года наша кавалерийская бригада была приказом командования исключена из состава войск Тамбовской губернии и снова направлена на Украину, в Киевский военный округ. Гражданская война окончилась, но нам еще пришлось бороться с недобитыми петлюровскими бандами в Таращанском уезде и на Житомирщине, очищать нашу землю от этой многочисленной, но очень вредоносной контрреволюционной нечисти.

Свыше сорока лет минуло с тех пор... Сорок лет — целая жизнь! И долгая жизнь... Но мы, котовцы, не растеряли друг друга за эти долгие и бурные годы. Каждый из нас знает о тех боевых товарищах, которые здравствуют и поныне, и помнит о тех, которые ушли от нас навсегда.

Тридцать лет прослужил в Советской Армии наш храбрый разведчик М. П. Кононенко. Еще до Великой Отечественной войны он окончил академию имени М. В. Фрунзе. В 1941 году его направили на фронт. Он участвовал в обороне Москвы и в разгроме немцев под столицей зимой 1941/42 года, командовал 99-й стрелковой дивизией, вместе с которой дошел до берегов Одера. Был тяжело ранен и контужен. Советское правительство наградило его орденом Ленина и многими орденами и медалями.

В 1947 году по состоянию здоровья генерал-майор М. П. Кононенко ушел в отставку. Но спокойная жизнь пенсионера оказалась не по нем. И все эти годы он ведет большую общественную работу в Пятигорске.

Д. Н. Симонов, который, рискуя жизнью, вместе с А. Захаровым проник по заданию комбрига в логово Матюхина с письмом «атамана Фролова», за отличие был награжден правительством в годы гражданской войны двумя орденами Красного Знамени. После демобилизации из Красной Армии он окончил Промакадемию, стал инженером-строителем. Сейчас Дмитрий Николаевич на пенсии, но продолжает трудиться в одном из подмосковных совхозов.

Начальник особого отдела бригады Н. А. Гажалов провел большую чекистскую работу по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии, непосредственно участвовал в боевых схватках. Например, 16 мая 1921 года в селе Цупки он вместе с несколькими красноармейцами захватил заставу антоновцев, взяв в плен всех ее вожаков, которые дали нам важные сведения и помогли бригаде разгромить банду... После окончания гражданской войны Гажалов стал одним из организаторов широко известной Ободовской коммуны в Винницкой области, созданной демобилизованными красноармейцами по инициативе Г. И. Котовского. Потом эта коммуна стала колхозом имени Котовского. Гажалов окончил Промакадемию, был инженером-строителем. Ныне он пенсионер, живет в Москве, ведет общественную работу в Комитете ветеранов войны. За участие в борьбе с бандитизмом Николай Алексеевич был награжден орденом Красного Знамени.

Николай Скутельников, командир эскадрона 1-го кавалерийского полка, прошел с бригадой весь ее боевой путь со дня формирования. Это был бесстрашный боец. Однажды он, например, врзался один в группу антоновцев, рубя направо и налево, вырвался из кольца бандитов и ускакал невредимым. В Кобылинке, когда головка матюхинской банды была расстреляна в избе на «совещании», Скутельников одним из первых вместе со своим эскадроном вступил в схватку с растерявшимися матюхинцами. За храбрость в боях гражданской войны он был награжден двумя орденами Красного Знамени. Николай Филиппович был участником Великой Отечественной войны, награжден орденами и медалями. Сейчас он полковник в отставке, живет в Одессе.

Владимир Цетлин служил пулеметчиком, а затем — политруком в 1-м кавалерийском полку. Огонь его пулемета встретил матюхинских бандитов, когда они врассыпную

бросились из Кобылинки к лесу... Владимир Львович был позже начальником штаба 15-го кавалерийского полка, награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. В годы войны с гитлеровскими захватчиками стал генерал-майором, командовал 94-й гвардейской дивизией. Ныне он в запасе, живет в Москве, ведет общественную работу в ДОСААФ и в Военно-научном обществе Советской Армии. При его участии Государственным архивом Красной Армии был составлен и издан сборник документов «Г. И. Котовский».

В Кишиневе живет персональный пенсионер Захарий Иосифович Гуревич — бывший взводный командир во 2-м кавалерийском полку. Шестнадцатилетним юношей вступил он в партизанский отряд, который вел неравную борьбу с немецкими оккупантами на Украине в 1918 году. Пускал под откос воинские эшелоны кайзеровских грабителей, мешал вывозу украинского хлеба в Германию. Потом служил конным разведчиком в 57-й стрелковой дивизии. В другой раз, командуя головным дозором, Гуревич обнаружил на окраине села Татаровка конную банду численностью до пятисот сабель. Получив донесение, Котовский принял смелое решение — под покровом ночи атаковать эту банду силами всего лишь одного эскадрона; один взвод он повел сам. С криком «ура!», свистом и гиканьем котовцы неожиданно навалились на бандитов. Те бежали в панике, побросав свои обозы. За селом они пытались задержать нашу атаку. «Первый полк — справа, второй полк — слева, в атаку марш!» — громко скомандовал Григорий Иванович, и бандиты снова обратились в бегство. Правительство наградило З. И. Гуревича орденом Красного Знамени.

Шестнадцатилетним бессарабским пареньком Николка Костин добровольно вступил в Красную Армию. Его мечтой было сражаться под командованием Котовского, которого он, еще будучи подростком, видел шагающим по улицам Кишинева в кандалах, с гордо поднятой головой. Григорий Иванович с этого дня стал для него образцом бесстрашного бойца за народное счастье. В апреле 1921 года Николай Костин по личному заданию Котовского под видом беспризорного пробрался в расположение петлюровских банд на Украине и перепроверил важные агентурные данные.

Одним из лучших стрелков, рубакой и наездником заслуженно считали в нашей бригаде Владимира Чистякова — командира 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка. После успешного выполнения секретной операции в Кобылинке Чистякову вместе с сотрудником Тамбовской ЧК Михаилом Даниловым дали сложное и опасное задание: раскрыть, при

содействии Эктова, бандитские группы в других волостях и отыскать «Старика» (под такой кличкой скрывался руководитель тамбовской губернской организации эсеров). В распоряжение Чистякова и Данилова был выделен кавалерийский дивизион. Задание это было успешно выполнено. Позже Чистяков стал командиром бригады, входившей в состав 9-й Крымской кавалерийской дивизии. Правительство наградило его двумя орденами Красного Знамени. В годы Великой Отечественной войны Владимир Иванович командовал дивизией. В боях с фашистскими захватчиками генерал-майор Чистяков пал смертью храбрых.

Не забыли мы и храброго командира — помощника Г. И. Котовского Н. Н. Криворучко. В боях с антоновцами он был ранен и не мог по этой причине принять участие в секретной операции по разгрому банды Матюхина.

Помню, что комбригу пришлось пустить в ход свою власть, чтобы заставить Николая Николаевича, человека горячего, отчаянно-смелого, самоотверженного, остаться с батареей в Медном. Криворучко, по своей привычке, хлопнул с досады два раза ладонями по коленам, скрипнул зубами и проговорил:

— Желаю... справиться и без меня!

Он, вахмистр старой армии, прошел две войны и был опытным командиром. Храбрость его доходила порой до некоторой бесшабашности. Однажды, например, когда его ранили в схватке с антоновцами, он, не желая ни за что уходить с поля боя, залег в траве и продолжал отстреливаться, держа карабин в одной руке (другая была пробита пулей). Когда карабин выпал, он закусил ремень и по-пластунски уполз к своим бойцам.

Правительство наградило Н. Н. Криворучко орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. Долгое время он командовал кавалерийской дивизией, а после гибели Г. И. Котовского — 2-м кавалерийским корпусом имени СНК УССР. В годы культа личности Сталина Н. Н. Криворучко был необоснованно репрессирован.

Безвременная смерть вырвала из рядов котовцев мужественного комиссара 2-го полка Александра Сергеевича Захарова, проникшего вместе с Д. Н. Симоновым в лесной штаб банды Матюхина и награжденного впоследствии орденом Красного Знамени; комиссара 1-го полка Ивана Кондратьевича Данилова, участника «совещания» с Матюхиным и его приспешниками, который был тоже награжден орденом Красного Знамени. В тяжелом бою с крупной бандой Селянского под деревней Покровское-Шереметьевка Иван Данилов, несмотря на сильный огонь, увлек за собой красноармейцев и решительной

атакой разгромил бандитов. Ушел из жизни Никита Феодорович Лебеденко, сын батрака и сам батрак херсонского помещика с двенадцатилетнего возраста, бывший взводный командир во 2-м полку, участник Великой Отечественной войны, которую он окончил генерал-лейтенантом и Героем Советского Союза. Н. Ф. Лебеденко был первым советским комендантом Вены. Нет уже с нами и Иосифа Антоновича Попова, бывшего командира 1-го полка, награжденного за участие в разгроме антоновщины орденом Красного Знамени. В годы Отечественной войны он стал генерал-майором, был отмечен правительственными наградами.

Многое можно было бы рассказать о котовцах... но это уже выходит за границы нашего очерка.

Свыше сорока лет прошло с тех пор, когда мы, бойцы, командиры и политработники рабоче-крестьянской Красной Армии, под руководством ленинской партии сражались против врагов Великой Октябрьской социалистической революции и Советской власти. Но и теперь мы, котовцы, чувствуем себя единой семьей, поддерживаем между собой товарищескую связь, встречаемся. И почти каждый раз, когда собираемся вместе, мы вспоминаем тамбовский мятеж и секретную операцию в селе Кобылинка тяжелым и напряженным «черным летом» 1921 года.

Иллюстрации

1. Григорий Иванович Котовский — командир 2-го кавалерийского корпуса, герой гражданской войны. Снимок 1925 г.

2. Петр Александрович Борисов — комиссар кавалерийской бригады, автор настоящей книги.
Снимок 1927 г.

3. Группа героев гражданской войны, сражавшихся в кавалерийской бригаде, которой командовал Г. И. Котовский. Сидят (справа налево): И. Т. Кириченко и Н. М. Криворучко. Стоят: Н. Ф. Лебеденко, В. М. Тукс, Д. Н. Симонов.

4. Котовцы В. Л. Цетлин, А. И. Ляхович и М. П. Кононенко, участники операций по разгрому антоновщины.

Примечания

В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 43, стр. 13–14.

В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 43, стр. 29.